
Глава третья
В ОСАЖДЁННОМ ПОРТ-АРТУРЕ

Вечером 26 января 1904 года порт-артурские китайцы встречали Новый год по лунному календарю. Согласно буддийской традиции за праздничным столом собиралась вся семья с приглашёнными друзьями. Подавали «особые девять супов». От каждого супа в миске должно было немало остаться. Остатки сливали в большую чашу. Туда же бросали всякую ветошь, хлам. Это символизировало накопившееся за год в доме зло. Затем при свете фонаря чашу несли на пустырь, выкрикивая: «Прочь отсюда! Прочь отсюда!» Возвращаться назад надо было быстро, не оглядываясь. Иначе прошлое могло вернуться в дом вместе с тем злом и грехом, с которыми оно неразрывно соединилось. Человек, учили ламы, должен идти тропой жизни, не оборачиваясь назад — никакой привязанности, никаких сожалений. Даже если уходящий год уносит с собой мирную жизнь.

Китайские газеты писали, что война вот-вот начнётся. Две соседние империи на земле Китая будут решать свой спор. Горе и смерть, которые несёт всякая война, коснутся не только соседей, но прежде всего их, китайцев. Но ведь смерть всё равно ожидает каждого человека. Главное, как учил светлый Будда, успеть при жизни разрушить три главные зависимости — страстное желание, зависть и эгоистическую привязанность к земному существованию. Тогда очистившийся разум человека будет включён в более высокое существование и поведёт его, этого человека, освободившегося от жизненных пут, к окончательной цели, которая есть океан истины, вечный мир нирваны.

Китайцы ничуть не удивились, когда со стороны гавани слышались взрывы и артиллерийская канонада, а в ночное небо взвились огненные сполохи. «Это ипонз руски чики», — объяснил один китаец русскому рабочему, приглашённому в его дом на новогоднее празднество¹.

Город на реке Лунхэ

Когда Квантунский полуостров перешёл в арендное владение России, на берегах его стали развёртываться два города — Порт-Артур и Дальний. Порт-Артур должен был стать прежде всего военной крепостью, а Дальний, верстах в тридцати, за перевалом, планировался как коммерческий порт. Предполагалось, что в недалёком будущем Дальний, соединившись железной дорогой с Россией, вырастет в крупный центр мировой торговли, станет соперником Гонконга, Шанхая, Йокогамы и Сан-Франциско. На строительство города и коммерческого порта за шесть лет с 1898 года было истрачено более 20 миллионов рублей. Однако Дальний сразу как-то не очень пошёл. К 1904 году в этом городе проживало примерно 34 тысячи человек (30 тысяч китайцев, около четырёх тысяч русских)².

Зато Порт-Артур стал быстро расти. Город был объявлен порто-франко, и в него хлынул поток дешёвых иностранных товаров. Рядом со Старым городом, на другом берегу реки Лунхэ, вырос Новый город, по преимуществу европейский. В больших мануфактурных магазинах здесь можно было купить всё необходимое, вплоть до модных вещей из Парижа и Лондона. В колониальных (по-современному — продовольственных) магазинах продавались канадские мясные и фруктовые консервы, английский мармелад, французские вина. Складских помещений не хватало, и в порту образовались огромные штабеля ящиков с сахаром и смирновской водкой. К 1904 году в Порт-Артуре действовало 1712 торговых и промышленных заведений. Некоторые из них имели годовой оборот до 6 миллионов рублей.

В китайских и японских лавках Старого города можно было по очень сходной цене купить фарфоровые изделия, ширмы, ковры, циновки и другие экзотические товары.

За шесть лет пребывания в русском владении население Порт-Артура увеличилось более чем в 10 раз. В начале 1904 года в городе проживало, не считая гарнизона, 51,3 тысячи человек (15 тысяч русских, 35 тысяч китайцев, 700 японцев и около 600 европейцев). Значительное преобладание мужского населения вело к развитию проституции, которая сосредоточилась в районе порта, где, как грибы после дождя, размножились многочисленные кафешантаны, в которых выступали русские певицы.

За Старым городом, ближе к горным хребтам, появился Новый китайский город, населённый русской и китайской беднотой. Русские рабочие, мастеровые, извозчики, преиму-

шественно из Сибири, ехали в неведомую даль, привлекаемые рассказами о баснословной дешёвизне порт-артурской жизни. Приток русских особенно усилился после того, как в 1903 году вступили в строй Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и её Южно-Маньчжурская ветка, соединившая с Россией Порт-Артур и Дальний.

Китайцы ехали в Порт-Артур в надежде на постоянные и высокие заработки. Отчуждённость и недоверие, с которыми поначалу китайцы встретили русских, постепенно сменялись сотрудничеством и взаимопониманием. Старый порт-артурец В. А. Мустафин вспоминал: «Сначала на нас смотрели как на выходцев с того света, белых чертей, от нас взпуски убегали. Прошло некоторое время, к нам присмотрелись, увидели, что никакого зла мы никому не делаем, платим за всё щедро, по-царски, тогда стали понемногу приближаться, вступая с нами в более тесное общение».

Далёкий Порт-Артур не отрывался от России, жил с ней единой культурной жизнью. В городе открылось реальное училище. В начальной школе ввели совместное обучение мальчиков и девочек, что было в те времена необычно для России. С 1901 года выходила местная газета «Новый край». Пушкинские торжества 1899 года (сто лет со дня рождения поэта) нашли отклик и в Порт-Артуре. В гарнизонном собрании был прочитан цикл лекций о творчестве А. С. Пушкина. Сбор с них предназначался на строительство русско-китайской школы. В городе появилась Пушкинская улица³.

Молодой город, выросший в точке соприкосновения трёх культур (китайской, японской и русской), был устремлён в будущее и мало заботился о своей безопасности. Угроза, казалось, могла исходить только с моря. А с этой стороны Артурская бухта была неприступна.

Порт-артурская гавань была тесна и мелководна. Но восточную её часть (Восточный бассейн) углубили настолько, что в ней могли стоять даже броненосцы. Углубили и часть более обширного Западного бассейна, которую стали называть внутренним рейдом. Однако узкий проход в гавань, между полуостровом Тигровый Хвост и Золотой горой, не был углублён, и потому большие корабли могли выходить из гавани и возвращаться только во время прилива, два раза в сутки. Из-за этого, а также вследствие тесноты в гавани, эскадра предпочитала стоять по-прежнему на внешнем рейде.

Старый китайский док в гавани не вмещал броненосцев. Началось строительство нового дока, но к 1904 году он не был закончен. Успели, однако, выстроить новые мастерские, провиантские склады, угольные сараи, казармы, блин-

дированный пороховой погреб. Переоборудовались и модернизировались береговые батареи. К началу войны эти работы были на две трети выполнены.

К 1904 году России удалось сосредоточить в Тихом океане значительные военно-морские силы. Ядро их составляли семь броненосцев. Новейшие из них («Ретвизан» и «Победа») могли развивать скорость до 18,5 узла. Три старых броненосца («Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь») — до 16 узлов. Это создавало неудобства, ибо скорость движения эскадры определяли тихоходы.

Япония имела шесть броненосцев, правда, более однотипных, с одинаковой скоростью в 18 узлов.

Что касается количества крейсеров, в том числе броненосных, а также миноносцев, то здесь на стороне Японии был большой перевес. Но надо учитывать, что в решающих морских сражениях крейсера с обеих сторон действовали довольно пассивно — даже по сравнению с миноносцами. Так что перевес в один броненосец всё же давал некоторое преимущество русскому Тихоокеанскому флоту.

В 1900 году, после Дубасова, Тихоокеанскую эскадру возглавил вице-адмирал Н. И. Скрыдлов. Он считал, что опорной базой флота должен быть более надёжный Владивосток. Однако начальник Квантунской области адмирал Е. И. Алексеев не хотел отпускать от себя эскадру. Он предлагал перевести во Владивосток броненосные крейсера, а броненосцы оставить в Артуре⁴. Вопрос решился в 1903 году, когда Алексеев был назначен наместником на Дальнем Востоке, а Скрыдлова направили на Чёрное море. Начальником эскадры стал более покладистый вице-адмирал О. В. Старк.

Недостаточная надёжность Порт-Артура объяснялась его значительным удалением от России (по морю до Владивостока 1060 миль) и плачевным состоянием его сухопутных укреплений.

Проект крепости был утверждён Николаем II в январе 1900 года, хотя работы начались раньше. По смете требовалось 8,9 миллиона рублей. Однако в том же году в стране разразился промышленный кризис, более всего затронувший металлургию и машиностроение. Министр финансов С. Ю. Витте не мог спокойно наблюдать, как замирает жизнь на гигантских заводах, построенных при его энергичном содействии. Вызывало опасение и появление огромной армии безработных. Пучина кризиса поглотила десятки миллионов казённых денег, срочно выделенных для поддержки тонущих заводов и банков. Соответственно урезывались все прочие государственные расходы. За период с 1898 по 1903 год

включительно на работы по сооружению крепости Порт-Артур было отпущено только 4,6 миллиона рублей⁵.

В итоге к началу войны укрепления сухопутного фронта не были готовы и наполовину. Вдобавок, как утверждали специалисты, проект не был безупречен. Некоторые форты были плохо применены к местности. Пушки ставились открыто, и впоследствии неприятельская артиллерия легко их подбивала.

Экономия средств снизила надёжность возводимых укреплений. Толщина их стен была уменьшена почти вдвое — так, что они могли устоять только против шестидюймовых снарядов. Кто-то из начальства глубокомысленно заметил, что на вооружении азиатских армий нет орудий большего калибра.

Для обороны дальних подступов к Порт-Артуру особое значение имел перешеек Кинчжоу. (В позднейшей литературе его стали называть Цзиньчжоу — но обе транскрипции далеки от подлинного китайского звучания, так что лучше, наверно, употреблять то название, которое использовали защитники крепости.) Это самое узкое место Квантунского полуострова, и здесь, имея хорошие укрепления, можно надолго остановить неприятеля. Но перед войной на перешейке ничего не было сделано. Остались лишь старые обвалившиеся окопы и полуразрушенные укрепления, наскоро развёрнутые в 1900 году, во время восстания ихэтуаней («боксёров»).

Дальний почти не укреплялся, и некоторые военные говорили, что в случае войны он станет главной базой неприятельских войск, действующих в Маньчжурии. Развёртывая сразу два города на арендованном полуострове, видимо, не посчитались с состоянием государственных финансов.

И наконец, — гора Высокая, с северо-запада нависающая над Порт-Артуром. Впоследствии, во время осады, когда каждый обыватель стал стратегом, артурцы показывали друг другу на эту гору: «Плохо нам будет, если японец на неё сядет». По проекту на Высокой надо было построить форт литеры Д. Но его почему-то не включили в первую очередь. Адмирал Алексеев, получив полномочия наместника, в особой записке потребовал ускорения строительства крепости, причём указал и на форт литеры Д. В 1903 году Порт-Артур посетил военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Он вынес благоприятное впечатление о состоянии крепости. В докладе царю он писал, что «мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура». Предложение о постройке форта литеры Д министр не одобрил⁶. Потом все

удивлялись, как же так получилось, что до войны на Высокой ничего не построили.

Каждый защищал порученное ему дело: Витте — банки и заводы, Алексеев — Порт-Артур (пока, правда, в бюрократических окопах, но тоже неудачно), у Куропаткина голова была занята массой других проблем, казавшихся ему поважнее Высокой. Не было лишь человека, способного скоординировать все эти интересы, вывести общее направление государственной политики. Николай II на эту роль явно не годился.

Ответственность за дальневосточные неудачи обычно сваливают на Е. И. Алексеева. В действительности это была яркая и многосторонняя личность, отнюдь не злонамеренная.

Евгений Иванович Алексеев считался внебрачным сыном Александра II. Кое-кто сомневался в этом, тем более что у адмирала был восточный тип лица (чёрные волосы, чёрные глаза и большой нос). Но среди великих князей и при дворе он, по-видимому, считался своим человеком. Дружба с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем обеспечила Алексееву быструю карьеру в морском ведомстве. Как говорили, у него были даже общие с великим князем амурные похождения.

Вместе с тем Алексеев был опытным и знающим моряком, разбирался в сложных технических вопросах. В своё время окончил курс Морской академии. В политических вопросах адмирал был очень осторожен. Потому и был он назначен наместником на Дальнем Востоке, что в Петербурге были уверены: Алексеев не наломает дров, не допустит авантюры, будет вести дело к примирению с Японией.

В должности наместника, пользуясь своими связями в столице, Алексеев сумел пробить решение ряда дел, застрявших в петербургских канцеляриях. В Порт-Артуре были пополнены склады боеприпасов и продовольствия. Но ускорить строительство укреплений не удалось и ему.

Те, кто лично знал Алексеева, вспоминают о нём как об обаятельном и интересном собеседнике, начитанном и бывалом. Пышущий здоровьем толстяк с круглой бородой умел объединить и развеселить собравшееся у него общество. Однако Алексеев не был таким фанатиком служебного долга, как, скажем, Дубасов. Большой любитель хорошо пожить и хорошо провести время, он не без приватного интереса мог заглянуть в казённый карман. В своё время поспешно замяли, не расследовав, тёмное дело с поставкой угля для Тихоокеанской эскадры, в пору командования ею Алексеевым. Не чуждый сам этой неизвинительной слабости, Алексеев был снисходителен и к проделкам своих подчинённых, а по-

пытки разоблачения пресекал под тем предлогом, что это уронит престиж власти.

С 1899 года правой рукой Алексеева в морских делах был начальник его штаба контр-адмирал Вильгельм Карлович Виттефт, очень знающий, доброжелательный человек, безукоризненно честный. Образцовый службист, он не считал себя вправе в чём-то подменять собой своего начальника. Свою задачу он видел в том, чтобы проводить в жизнь его директивы, сглаживая и устраняя отдельные их резкости и шероховатости.

Алексеев мало кого хорошо знал из генералитета, и неизвестно, кто подсунил ему генерал-адъютанта А. М. Стесселя, оказавшегося на Дальнем Востоке во время международной экспедиции против китайских «боксёров». До этого Стессель участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов и стал даже георгиевским кавалером, хотя для близких сослуживцев его трусость не составляла секрета. На многих, однако, производили впечатление внушительная фигура Стесселя, его громкий голос, умение говорить с апломбом, как бы неумышленно попадая в тон начальству. В августе 1903 года Стессель был назначен комендантом Порт-Артура, а в марте 1904 года, когда уже шла война, — начальником Квантунского укрепленного района.

Стессель принадлежал к числу тех военных и бюрократических светил, которые всегда повёрнуты к начальству одной стороной, а к подчинённым — другой. С подвластными ему людьми он вёл себя надменно и грубо, вплоть до хамства. Эти качества вызывали тем большее раздражение и презрение, что мало кому не были известны тайны семейной жизни грозного начальника. В домашней обстановке Стессель утрачивал весь гоно́р, совершенно теряясь перед своей властной супругой Верой Алексеевной, женщиной «малоразвитой, злой и алчной», как характеризовал её портартурец В. А. Мустафин⁷. Видимо, в основном её стараниями Стессели накопили немалое состояние. Капитан 2-го ранга М. Бубнов сообщал, что у Стесселя в Артуре было больше имущества, чем у всех офицеров гарнизона вместе взятых⁸. А затем, уже во время осады, когда потребовалось «облагородить» свой образ, Стессели усыновили нескольких сирот. К такому приёму часто прибегают особо выдающиеся казнокрады и хапуги.

Истоки русско-японского конфликта в Маньчжурии восходят к японо-китайской войне 1894—1895 годов и к восстанию ихэтуаней в Китае в 1899 году. Восстание было направлено против вторжения иностранцев в Китай и введения

иностранных новшеств, разрушавших традиционный уклад китайской жизни. Повстанцы громили иностранные религиозные миссии, разрушали железнодорожные и телеграфные линии. Сильно тогда пострадала строящаяся КВЖД.

В ответ на это в 1900 году Англия, США, Япония, Франция, Россия, Италия, Германия и Австро-Венгрия организовали карательную экспедицию. Русские войска заняли Маньчжурию и участвовали во взятии Пекина. Из китайской столицы они вскоре были отозваны, но в Маньчжурии остались.

В марте 1902 года между Россией и Китаем было подписано соглашение о поэтапной эвакуации русских войск в течение 18 месяцев. Прошло шесть месяцев, и русские войска оставили Южную Маньчжурию. Затем, однако, возник вопрос, недостаточно проработанный при заключении соглашения 1902 года — о гарантиях безопасности КВЖД. Русские власти захотели быть более надёжно застрахованными от недружественных действий китайского правительства или местных его властей, иностранных держав и разбойничьих шаек, орудующих в Северном Китае. Нарушение движения по КВЖД угрожало безопасности не только Порт-Артура, но и Владивостока, поскольку Амурская дорога по территории России ещё не была проложена.

Китайское правительство заявило, что дальнейшие переговоры оно будет вести лишь после вывода русских войск. В ответ на это русское правительство приостановило вывод войск из провинции Хэйлундзян, по которой проходит КВЖД, и из прилегающей к ней с юга провинции Гирин. В спор вмешались Англия, США и Япония, заявившие протест в связи с тем, что Россия задерживает выполнение соглашения. Особенно активно действовала японская дипломатия.

В ходе начавшихся переговоров Япония потребовала признания её «преобладающих интересов» в Корее и в свою очередь соглашалась признать «специальные интересы России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии». Россия выражала готовность признать «преобладающие интересы» Японии в Корее, но с рядом оговорок: нейтралитет пограничной с Россией области Кореи и необходимость консультаций с Петербургом при посылке войск в Корею. Япония не должна была предпринимать никаких действий, которые могли помешать свободе судоходства в Корейском (Цусимском) проливе, через который проходил морской путь из Владивостока в Порт-Артур. Кроме того, Япония должна была признать Маньчжурию и её побережье вне сферы своих интересов.

Русская дипломатия долгое время считала, что главный объект японских притязаний — это Корея. В ходе перегово-

ров русские дипломаты делали уступку за уступкой по корейскому вопросу, но всё это проглатывалось японской стороной, вовсе не удовлетворяя её аппетита. Наоборот, выставлялись новые требования. Обе державы начали военные приготовления. Из России на Дальний Восток перебрасывалось примерно по семь тысяч солдат и офицеров в месяц — большего не позволяла пропускная способность недавно построенной одноколейной Транссибирской магистрали.

31 декабря 1903 года Япония в ультимативной форме потребовала от России принять все её условия. Русское правительство все условия не приняло, но пошло на ряд уступок. В частности, был снят пункт о демилитаризации пограничной зоны в Корее. Ответ был отправлен русскому посланнику в Токио двумя телеграммами: одной 21 января 1904 года через Порт-Артур, другой (22 января) непосредственно в Токио. 24 января, якобы не дождавшись ответа, японское правительство разорвало дипломатические отношения с Россией. Шифрованные телеграммы из Петербурга в это время лежали на телеграфе в Нагасаки, умышленно задержанные. Они были вручены русскому посланнику только на следующий день, когда он уже собирал свои вещи⁹.

В России, по-видимому, посчитали, что разрыв дипломатических отношений понадобился Японии для осуществления какой-то «самовольной» акции в Корее. Алексеев ещё раньше был предупреждён, что высадка японских войск в Южной Корее, до параллели Сеула, не вызовет со стороны России военных действий. Поэтому телеграмма из Петербурга о разрыве отношений с островным соседом не произвела на наместника сильного впечатления. Решив, что это ещё не война, Алексеев приказал усилить надзор в порту и приготовиться к постановке бонов (заграждений) у входа в гавань. О телеграмме было сообщено ограниченному кругу лиц.

Узнав о телеграмме, командир броненосца «Полтава» И. Н. Успенский приказал поставить сети минного заграждения. Об этом же запросил начальника эскадры адмирала Старка командир крейсера «Баян» Р. Н. Вирен. Его рапорт Старк оставил без ответа, а Успенскому сделал внушение за самовольные действия. Сети были убраны.

25 января было замечено странное поведение порт-артурских японцев. Владельцы ремесленных заведений свёртывали производство. Около японских лавок толпился народ, раскупая внезапно подешевевшие товары. Укладывали вещи хмурые и неразговорчивые хозяева, которым явно не хотелось сниматься с обжитого места. На следующий день порт-артурцы наблюдали великий исход японцев из своего горо-

да. Длинная вереница тяжело нагруженных китайских лодок (шампунок) вышла на внешний рейд, прошла сквозь строй русской эскадры и направилась к стоявшему в отдалении английскому пароходу. Он и доставил японскому командованию самые свежие сведения о расположении эскадры.

В Петербурге 26 января начальник Главного штаба генерал В. В. Сахаров представил военному министру Куропаткину записку о том, что японцы могут внезапно напасть на флот в Порт-Артуре. По содержанию записки ничего сделано не было.

Затем вдруг осенило вице-адмирала Макарова. В срочном письме управляющему Морским министерством Ф. К. Авелану он настоятельно посоветовал немедленно перевести эскадру в гавань. О письме доложили великому князю Алексею Александровичу только на следующий день, когда было уже поздно¹⁰. Можно ли было что-то сделать, если бы сразу же дали телеграмму в Порт-Артур? Вряд ли. Петербургский вечер, когда в Адмиралтейство пришла депеша от Макарова, — это дальневосточная ночь. Возможно, в это время на порт-артурском рейде уже гремели взрывы.

26 января 1904 года высшее порт-артурское общество отмечало именины Марии Ивановны Старк, жены начальника эскадры. Некоторые офицеры ещё не вернулись с бала на свои корабли, когда там срочно потребовалось их присутствие¹¹. Правда, сам начальник был на месте и в момент нападения совещался с Витгефтом.

Русские суда стояли в четыре линии, в шахматном порядке. На броненосцы «Полтава» и «Победа», а также на крейсер «Диана» грузили уголь с барж — верхние палубы этих кораблей были освещены электричеством. За подходами к рейду следили дежурные корабли (броненосец «Ретвизан» и крейсер «Паллада»). Свет их прожекторов скользил по гребням волн и терялся в далёкой дали. В море крейсировали два миноносца. Чтобы не потерять друг друга, они шли с открытыми отличительными огнями. «Наша эскадра стояла так, чтобы быть утопленной без остатка...» — писал впоследствии А. В. Колчак¹².

Сторожевые миноносцы, сами никого не заметившие, были обнаружены подходившим к Артуру отрядом японских миноносцев. Уклонившись от встречи с ними, японцы подошли к эскадре тогда, когда русское охранение ещё должно было крейсировать в море.

Японские миноносцы ориентировались по маяку на Золотой горе и огням эскадры. Первыми получили торпеды дежурные корабли, которые привлекли внимание своими про-

жекторами. Затем был атакован броненосец «Цесаревич», который тоже получил пробоину. Больше японские миноносцы ничего сделать не успели, так как сами были обнаружены. По ним началась яростная стрельба. Командир участвовавшего в нападении миноносца «Акацуки» сообщает, что один из четырёх миноносцев утонул, а другие получили повреждения¹³. (Впрочем, подлинность этих мемуаров вызывает сомнения, потому что в них есть расхождения с действительной картиной в весьма существенных деталях.)

Наутро «Цесаревич» и «Паллада» были отбуксированы в гавань. «Ретвизан» приткнулся носом к берегу и остался на внешнем рейде¹⁴. Чтобы отвести его в гавань, надо было заделать пробоину. Это заняло около месяца, и всё это время «Ретвизан» находился в опасности.

Вывод из строя «Паллады» большого значения не имел. Другое дело — «Ретвизан» и «Цесаревич». С их повреждением Япония получила превосходство в один броненосец. В дальнейшем усилия русского морского командования сводились к тому, чтобы вернуть себе утраченное преимущество, а адмирала Того Хэйхатиро, командовавшего японским флотом, — чтобы сохранить и упрочить своё господство на море.

Лишь 28 января (10 февраля) Япония объявила России войну — после ночной атаки на эскадру, дневного боя двух флотов у порт-артурской гавани, не давшего перевеса ни одной из сторон, и героической гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» у берегов Кореи. 1 февраля командующим флотом на Тихом океане был назначен вице-адмирал С. О. Макаров. Русская общественность приветствовала это назначение. Оно было с радостью встречено в Порт-Артуре. 24 февраля Макаров вступил в командование флотом. И в этот же день была, наконец, закрыта пробоина на «Ретвизане». Откачали воду, корабль всплыл и был отбуксирован в Восточный бассейн.

Война быстро набирала обороты. В японских вооружённых силах царило воодушевление. Корея, куда японские войска высадились в первый день войны, считалась почти уже завоёванной. Дальнейшие планы японского командования предусматривали изгнание русских войск из Маньчжурии. А некоторые горячие головы говорили, что перемирие будет подписано в Иркутске, а мир — в Москве¹⁵. В японской армии и на флоте были убеждены, что одним из главных призов победоносной войны будет вновь завоёванный и навеки утверждённый в японском владении город на реке Лунхэ — Порт-Артур.

Волны Жёлтого моря

А. В. Колчак и Н. А. Бегичев прибыли в Порт-Артур 18 марта 1904 года вечером. Город уже погрузился во тьму — с конца января ввели затемнение. Окна плотно завешаны, фонари не горят, на улицах пустынно. В темноте едва отыскали гостиницу, где и переночевали. Наутро пошли в порт¹⁶.

Эскадра в полном составе находилась в гавани. Обращал на себя внимание раненый великан — трёхтрубный красавец «Ретвизан», стоявший у стенки. Названный по имени шведского парусного линейного корабля, ставшего русским трофеем, он был построен в Америке и в 1902 году вошёл в состав русского флота. Мощная артиллерия (четыре 12-дюймовые пушки во вращающихся башнях, 12 шестидюймовых, большое число средних и мелких), броня толщиной до девяти дюймов делали «Ретвизан» настоящей плавучей крепостью.

В гавани друзья разошлись — Колчак пошёл докладывать о своём приезде Макарову, а Бегичев — осматривать порт.

С приездом прославленного адмирала Порт-Артур ожил. Тревожное ожидание первых дней войны сменилось воодушевлением и надеждой. Макаров был наделён чрезвычайными полномочиями и не оглядывался на Алексеева, который удалился в Мукден. Новый командующий флотом слал донесения прямо в Петербург, на «высочайшее имя», а заместнику отсылал только копии.

Макаров понимал, что в данный момент подчинённый ему флот слабее японского. Но он настаивал на том, чтобы оборона была активной, чтобы флот действовал, а не прозябал в бухте, чтобы, наконец, он был хозяином хотя бы в ближайших к Артуру водах¹⁷.

Вскоре по приезде Макаров обнаружил, что эскадра не только не обучена совместно вести бой, но и совместно плавать, что её высший командный состав оставляет желать много лучшего. 13 марта из-за неумелых действий командиров столкнулись два броненосца — «Пересвет» и «Севастополь». К счастью, обошлось мелкими повреждениями. На ближайшем заседании командиров кораблей и младших флагманов (адмиралов, командующих отдельными отрядами) Макаров потребовал объяснений по поводу случившегося. Выслушав их, он, явно сдерживаясь, сказал: «С такими командирами мне приходится вступать в сражение»¹⁸. После этого капитан «Севастополя» был смещён, а на его место Макаров назначил командира крейсера «Новик» капитана 2-го ранга Н. О. Эссена. Это было очень удачное назначение. По-видимому, Макаров планировал произвести и дру-

гие перемены в командном составе, хотя не всё от него зависело, ибо важнейшие назначения надо было согласовывать с заместителем.

Макарову удалось научить эскадру выходить в открытое море в течение одного прилива («в одну воду»), тогда как раньше она выходила в «две воды». Когда же были сделаны тщательные промеры прохода, оказалось, что выход в море возможен и не в самую «высокую воду» — надо только двигаться точно и осторожно. С этого времени русская эскадра начала тревожить японский флот и постепенно отвоёвывать у него ближайшие воды.

Трудно сказать, где произошла новая встреча Макарова и Колчака. Командующий часто менял свой флагманский корабль. Ночевал нередко на дежурном крейсере у входа в гавань, а днём перебирался вместе со штабом на один из броненосцев, чаще на «Петропавловск». При штабе Макарова состоял и Георгий Дукельский («Маленький Фаррагут»), с которым Колчак сдружился в первое тихоокеанское плавание. Возможно, они повидались в тот самый день, когда Колчак пришёл представляться Макарову.

Колчак хотел, чтобы его назначили «на более активную деятельность» — на миноносец. Бегичев просил, чтобы о нём он тоже доложил адмиралу, — он тоже хотел воевать на миноносце. Предполагалось, конечно, что воевать будут вместе — как раньше со льдами, так теперь с неприятелем¹⁹.

Колчак не просил чего-то чрезмерного: командование миноносцем — лейтенантская должность. И Макаров действительно предполагал заменить часть командиров миноносцев²⁰. Адмирал внимательно выслушал рассказ Колчака о спасательной экспедиции, погоревал о Толле и его спутниках и... в просьбе отказал, ссылаясь на то, что после трудной экспедиции надо «немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне». По-видимому, лейтенант стал горячиться, доказывая, что он здоров и успел отдохнуть, но Макаров, как с долей обиды рассказывал потом Колчак, «упорно» не хотел назначать его на миноносец²¹. Бегичев же был направлен боцманом на «Бесшумный» — тут не встал вопрос насчёт отдыха. Причина отказа всё же, наверно, была в другом: Макаров смотрел на Колчака как на прыткого молодого человека, который перебежал ему дорогу, когда готовилась экспедиция на поиски Толля. Поэтому и возникло желание попридержать слишком резвого лейтенанта, поставить его на место. Макаров не всегда точно оценивал людей.

20 марта 1904 года приказом командующего флотом Кол-

чак был назначен вахтенным начальником на крейсер «Аскольд»²². Бегичев вспоминал, что вечером этого дня у них был прощальный ужин в ресторане, а наутро напились чаю, сдали номер в гостинице, отправились в порт и там простились. Колчак пошёл на «Аскольд», а Бегичев на «Бесшумный»²³.

Ночные и дневные вахты, всевозможные судовые работы — вот служба вахтенного начальника. «Аскольд», лёгкий пятитрубный крейсер-разведчик, мог развивать скорость до 23,5 узла, но был слабо защищён от неприятельской артиллерии (всякий корабль — компромисс различных требований). На «Аскольде» часто останавливался Макаров со своим штабом, а кроме того, он был флагманским кораблём начальника отряда крейсеров капитана 1-го ранга Н. К. Рейценштейна, который не снискал уважения портартурцев. «Рейценштейн поражал всех своей бестолковостью и почти всегда был пьян», — писал лейтенант С. Н. Тимирёв, служивший на броненосце «Победа»²⁴.

Город постепенно привыкал к войне, и жизнь входила в колею. 28 марта 1904 года была Пасха. После службы в гарнизонной церкви (городской собор так и не достроили) началось гулянье на бульваре. Здесь играл оркестр Квантунского флотского экипажа. Исполнялись попури из опер «Руслан и Людмила» Глинки, «Аида» Верди, «Гугеноты» Мейербера. С особым шиком была исполнена технически сложная увертюра к опере Беллини «Норма». Празднично одетая публика обменивалась новостями, слухами и сплетнями. Молодёжь флиртовала, и тон задавали флотские офицеры²⁵.

На следующий день Макаров вывел в море всю эскадру, за исключением подбитых кораблей. Неприятельский флот в этот день не показывался. Совершив ряд маневров, эскадра вернулась в гавань. В ночь с 29 на 30 марта «Аскольд» нёс сторожевую службу на внешнем рейде у входа в гавань. Вечером на крейсер прибыл Макаров со своим штабом. В числе штабных офицеров находился и великий князь Кирилл Владимирович²⁶.

Великий князь окончил Морской корпус на несколько лет позже Колчака. Но в 1904 году, вопреки правилам морского ценза, он уже имел чин капитана 2-го ранга и его назначили начальником военно-морского отдела Штаба командующего флотом на Тихом океане. В Порт-Артур он прибыл примерно в те же дни, что и Колчак. Макаров не делал великому князю никакой скидки, и тот наравне со всеми тянул служебную лямку. Он, например, был назначен начальником сторожевой цепи у входа в гавань в ночь на Пасху²⁷. В конце марта из Ляояна к Кириллу Владимировичу

чу на несколько дней приехал его младший брат Борис Владимирович.

В эту ночь, когда Макаров был на «Аскольде», Колчак мог в последний раз видеть «Маленького Фаррагута». Наутро адмирал покинул «Аскольд», который получил задание конвоировать восемь миноносцев, вышедших на разведку к островам Эллиот²⁸. Проводив миноносцы в открытое море и убедившись, что неприятельского флота поблизости нет, «Аскольд» вернулся в Артур.

На следующую ночь на внешнем рейде дежурила «Диана», куда и перебрался Макаров со штабом вечером 30 марта. Ночь была ненастная, шёл мокрый снег, море волновалось. Около полуночи сигнальщики «Дианы» стали замечать какие-то движущиеся пятна. Иногда они попадали в свет прожекторов. Пошли доложить Макарову, который спал в кресле не раздеваясь. Адмирал, как говорят, ничего во тьме не разглядел и вернулся в каюту. Между тем со сторожевых постов на Лаотешане тоже заметили какие-то силуэты, и адмиралу позвонили из штаба Стесселя с просьбой разрешить сделать несколько выстрелов с фортов. Командиру «Дианы» тоже хотелось пальнуть по подозрительным теням. Макаров вновь поднялся на мостик и вроде бы сказал недовольно: «Вам всюду чудятся японские суда». Открыть огонь он не разрешил, опасаясь, видимо, расстрелять собственные миноносцы, отправленные в разведку. Возможно, он подумал, что они собрались у входа и ждут рассвета, опасаясь попасть под огонь береговых батарей²⁹.

Ещё затемно Макаров вернулся со штабом на «Петропавловск». Затем с моря послышались раскаты артиллерийской канонады. Хмурый рассвет открыл такую картину: группа русских миноносцев пробивается к входу в гавань, отстреливаясь от нападающих на них лёгких крейсеров, а далеко в море один из наших миноносцев ведёт отчаянный бой с окружившими его японскими миноносцами. Потом выяснилось, что это «Страшный», оставший от своего отряда и оказавшийся среди неприятельских миноносцев, которых он в темноте принял за своих.

Узнав об этом, Макаров утвердился в мысли, что ночью вдали мелькали тени вернувшихся с разведки миноносцев. Тотчас же он приказал броненосцам разводиться пары и выходить на внешний рейд, крейсерам же — спешить на выручку миноносцам.

Первым на рейд выскочил броненосный крейсер «Баян» под командованием Р. Н. Вирена. Прикрыв собой отряд миноносцев, «Баян» дал им возможность пройти в гавань, а за-

тем поспешил к «Страшному». Помощь, однако, запоздала — над «Страшным» уже сомкнулись волны. Но «Баян» сделал всё, что мог: отстреливаясь правым бортом от японских крейсеров и миноносцев, с левого борта попытался спасти людей со «Страшного». Спасти удалось только четверых.

Появление на рейде «Аскольда», «Новика» и «Дианы», а затем «Петропавловска» заставило отойти японские лёгкие суда. Вышли на рейд и другие броненосцы, за исключением «Севастополя», которого прижал к стенке сильный ветер, так что буксиры не могли его оттащить. «Баян» вернулся в строй. Командующий поблагодарил за службу его команду и смелого командира.

Ветер разметал тучи, и на горизонте показались силуэты японских броненосцев. Макаров стал разворачивать эскадру, стремясь втянуть Того в сражение с участием береговых батарей. Но в этом сражении Макарову необходим был «Севастополь». Адмирал был очень рассержен, узнав, что броненосец никак не могут оттащить от стенки, и наконец приказал поднять сигнал: «“Севастополю” остаться в гавани». Трудно сказать, хотел ли адмирал после этого всё же вступить в бой или же собирался дать приказ вернуться в гавань.

Всё дальнейшее Колчак мог видеть с «Аскольда» своими глазами. Внезапно раздался глухой и мощный взрыв, и носовую часть «Петропавловска» окутало облако буро-жёлтого дыма (отличительная особенность японских взрывчатых веществ). Когда дым немного рассеялся, стало видно, что броненосец осел носом и накренился на правый борт. Прогремело ещё несколько взрывов, которые уже не давали такого густого облака. Корабль быстро уходил носом в воду, так что задралась вверх корма с работающими винтами. С неё один за другим прыгали люди, попадая в железные лопасти, а сверху падали громадные обломки. Эта страшная картина заняла не более двух минут, а затем на месте флагманского броненосца осталась лишь лёгкая крутящаяся зыбь с деревянными обломками, а облако пара и дыма унёс ветер.

К месту гибели заспешили шлюпки с разных судов. С «Аскольда» был спущен вельбот, которым ловко управлял мичман Василий Альтфатер. К счастью, крупной волны не было и удалось спасти 72 человека из более 700, находившихся на борту. Поднят был из воды тяжелораненый командир корабля капитан 1-го ранга Н. М. Яковлев, во время взрыва стоявший на мостике рядом с Макаровым. Спасли Кирилла Владимировича. По словам очевидцев, он был в шоке, с трудом отвечал на вопросы. Его доставили в вагон Бориса Вла-

димировича, и через час братья уже мчались на север, прочь от Порт-Артура.

После гибели Макарова командование должно было сразу перейти к младшему флагману — контр-адмиралу князю П. П. Ухтомскому, который находился на броненосце «Пересвет». Но Ухтомский почти ничем себя не проявил. Корабли возвращались в гавань довольно беспорядочно. За мило до входного створа подорвалась «Победа». К счастью, броненосец всё же добрался до места стоянки, хотя и с большим креном. Все решили, что эскадру атакуют подводные лодки. Со всех кораблей стали стрелять в море, по воображаемому струям от этих лодок, с риском попасть друг в друга. Адмирал Того мог атаковать уходящую эскадру, но, как видно, побоялся нарваться на собственные мины.

Потом, когда рейд протралили, нашли несколько «букетов» из трёх японских мин. Каждая из них по силе взрыва равнялась крупному артиллерийскому снаряду. При этом «Петропавловск» наскочил на такую связку, видимо, как-то особенно неудачно, так что начали рваться снаряды в его погребах, затем котлы в топках — и всё смешалось в вихрях огня, пара и воды. Несомненно, мины были поставлены теми самыми японскими катерами, которые Макаров ночью принял за собственные миноносцы.

На следующий день хоронили выловленных из моря пятерых офицеров и 12 матросов. Среди обломков нашли шинель, которая была на плечах адмирала в момент взрыва. По словам сестры милосердия О. А. Баумгартен, раненые матросы говорили, что Макарову при первом же взрыве снесло голову обломком. Как погиб Дукельский, никто не знал, хотя о нём вспоминали и Эссен, и, несомненно, Колчак, и многие другие, с кем он служил.

«Настроение у всех ужасное, подавленное... — писал же не командир “Севастополя” Эссен. — Но более всего горько за потерю адмирала Макарова — эта потеря ничем не заменима»³⁰.

Память о Макарове поддерживала портартурцев всё время осады. 20 июня газета «Новый край» напечатала стихотворение флотского поэта Вельяминова «Видение матроса», написанное в стиле народной баллады. В нём говорилось о «дедушке-адмирале», в полночный час подплывающем к Артуру на восставшем из вод «Петропавловске»:

Смотрит так ясно, так смело вперед,
Следом за ним его штаб весь идёт.
Много народу у бухты стоит.
Что-то такое он им говорит.

Машет рукою, знать, катер зовёт.
Вижу, и катер к нему уж плывёт.
Сел он, смеётся открытым лицом.
Словно как было пред страшным тем днём...
Днём, когда скрылся навек под волной
Воин с великою русской душой.

В автобиографии, написанной через 14 лет, Колчак, не помня былых недоразумений, писал, что считает Макарова «своим учителем как в военном деле, так и в области научных работ»³¹.

Новым командующим флотом в Тихом океане был назначен вице-адмирал Скрыдлов. Но пока он ехал на Дальний Восток, сообщение с Порт-Артуром прервалось. Адмирал остался во Владивостоке.

Через три дня после гибели Макарова в Порт-Артур прибыл Алексеев и взял командование эскадрой в свои руки. Японцы отметили его прибытие новой бомбардировкой города с кораблей, перебрасывая снаряды через горный массив Лаотешань. Русские броненосцы открыли ответный огонь, который корректировался с горы, и японцы удалились, не причинив большого вреда ни городу, ни эскадре³².

Колчак больше всего на свете не любил монотонно, изо дня в день тянуть служебную ляжку. Во время последней экспедиции он вошел во вкус самостоятельных действий и вскоре подал рапорт с новым ходатайством назначить его на миноносец. 17 апреля его перевели на минный транспорт «Амур» исполняющим должность старшего офицера³³, причём назначение это, как видно, было временным, потому что на «Амуре» Колчак пробыл всего четыре дня.

В биографии Колчака, написанной И. Ф. Плотниковым, приводится рассказ неизвестного лица о том, как Колчак «на этом судёнышке, выйдя ночью из порта, потопил четыре японских транспорта с грузом и войсками». «Точно ли было, судить теперь трудно», — добавляет биограф³⁴. В действительности это одна из позднейших легенд русского зарубежья о «Белом Вожде». Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Хронологический перечень», используемый в настоящей работе. В нём за эти дни (17—21 апреля) «Амур» вовсе не упоминается. Да и не должен был минный транспорт, слабо вооружённый и не очень быстроходный, заниматься не своим делом, выходя ночью на охоту.

Командир «Амура» капитан 2-го ранга Ф. Н. Иванов в эти дни делал другое дело — он тщательно прослеживал и наносил на карту маршруты блокирующих японских судов, которые каждый день появлялись перед Артуром и маячили

на горизонте. В этой работе ему, вне сомнения, помогал и Колчак.

Незадолго до ухода Колчака с «Амура» произошло сражение с японскими брандерами, кораблями-самоубийцами (старыми пароходами), при помощи которых адмирал Того хотел на какое-то время прочно запереть русский флот в артурской бухте, чтобы высадить десант на Ляодунском полуострове и осадить Порт-Артур с суши. Русская эскадра не смогла бы помешать этой высадке. Но Того, стратег очень осторожный, не хотел ни малейшего риска. Для этого он и посылал брандеры, чтобы они затонули в фарватере у выхода из бухты или в самом выходе.

Первую попытку затопить брандеры на главном фарватере японцы предприняли ещё при Старке. Тогда было послано пять пароходов с камнями и металлоломом, но затея не удалась. Через месяц Того послал новые брандеры. Потопив их, Макаров на следующий же день вывел эскадру на внешний рейд, показав, что она не заперта в бухте³⁵.

В ночь с 19 на 20 апреля японцы предприняли ещё одну такую же попытку. На этот раз было направлено 10 брандеров. Море, однако, сильно волновалось, и Того в последний момент отменил операцию. Но вернуть удалось только два последних парохода.

Брандеры сразу же были замечены, и началась стрельба. Наместник немедленно выслал в море два дежурных миноносца, всем остальным велел разводиться пары, а сам перешёл на канонерскую лодку «Отважный» и отправился в море руководить сражением.

Беззащитные пароходы отчаянно лезли к входному створу, пытаясь уклониться от обстрела. Одни из них взрывались на минах, другие получали огромные пробоины от снарядов и тоже шли ко дну, третьи море выбрасывало на мель. Только два или три брандера проскочили почти к самому пароходу и, затонув, слегка его сузили.

Высаживаясь на берег на шлюпках, плотях и обломках, японские моряки не желали сдаваться, начинали стрелять из ружей и револьверов и погибали. В одном случае русские солдаты, подбежавшие к берегу, чтобы принять шлюпку, с ужасом увидели, что японцы рубят друг другу головы. Всего было взято в плен два офицера и 30 матросов, в основном раненых.

Утром, когда всё было кончено, наместник сошёл с «Отважного» в весёлом расположении духа. Выход из гавани остался открытым, но Алексеев решил схитрить: пусть Того думает, что запер русскую эскадру. Не видя её на внешнем

рейде, Того так и подумал. 22 апреля в Артуре было получено сообщение о появлении у селения Бидзыво, верстах в 150 от Артура, японских транспортов с войсками. В тот же день наместник выехал из Порт-Артура, оставив командовать эскадрой своего начальника штаба контр-адмирала В. К. Витгефта³⁶. За день до отъезда, 21 апреля, Алексеев назначил Колчака командиром миноносца «Сердитый»³⁷.

Порт-артурская миноносная эскадра делилась на два отряда. В первый входили миноносцы, построенные на балтийских верфях или за рубежом. Как правило, это были отличные боевые корабли. Один из них, «Лейтенант Бураков», носил имя товарища Колчака по Морскому корпусу. Евгений Бураков погиб во время боксёрского восстания. Он стал первым из их выпуска, кто сложил голову в начавшейся полосе войн и мятежей, которые, в конце концов, привели во многих странах к смене правителей, режимов и господствующих элит.

Миноносцы второго отряда собирались филиалом Невского завода в Порт-Артуре из запасных частей, поступавших из России. Некоторые из них достраивались уже во время войны, когда требования приёмной комиссии заметно снизились. Эти миноносцы часто выходили из строя и не развивали той скорости, которая была обусловлена контрактом. На одной заправке угля такой миноносец мог преодолеть не более ста миль³⁸. Не случайно оба миноносца, погибшие при Макарове, «Стерегущий» и «Страшный», принадлежали ко второму отряду. Все ответственные и опасные задания (например, проскочить с донесением в китайский порт Чифу, когда город уже обложили) поручались миноносцам первого отряда. Второй отряд больше был занят на повседневной рутинной работе: ночное дежурство у входа в гавань, охрана тралящих судов. А потом их самих стали впрягать в эту работу несмотря на то, что длительный малый ход был вреден для их машин.

«По общему мнению, все миноносцы в течение осады Артура несли каторжную, мало вознаграждённую потом службу, — писал М. Бубнов, некоторое время командовавший вторым отрядом. — Котлы требовали частой чистки, а миноносцы почти всё время были под парами». Разводить пары приходилось несколько раз в день, порой по ничтожному поводу, потому что миноносцы были у командования на постоянных побегушках³⁹.

С. Н. Тимирёв, смотревший на миноносную службу как бы со стороны, вскоре после войны вспоминал: «Служба миноносцев была чрезвычайно тяжела, в то же время поч-

ти безрезультатна (в смысле громких успехов), чему главной причиной был очень странный взгляд на боевую службу миноносцев высшего морского начальства в Артуре...; отдельные самостоятельные экскурсии одного или двух миноносцев, предпринимаемые по личной инициативе командиров и с определённой целью, не встречали никакого сочувствия со стороны адмиралов и часто вовсе отменялись (на основании, что они слишком рискованны). Все миноносные экспедиции совершались обыкновенно по заранее составленному свыше плану (обыкновенно очень неясному, часто невыполнимому), дальние экспедиции совершались почти всегда поотрядно. В результате такие ночные авантюры (всем отрядом) обыкновенно кончались тем, что все миноносцы за ночь теряли друг друга и возвращались, ничего не сделав — это в лучшем случае; а чаще теряли вовсе кого-либо из товарищей, уклонившихся слишком в сторону неприятеля или отставших... Дневные отрядные экспедиции обыкновенно кончались нелепыми артиллерийскими батальями с неприятельскими миноносцами на дальних дистанциях (одинаково безвредными для обеих сторон). Посылки же миноносцев с отдельными поручениями были вовсе наперечёт... В Артуре на миноносцы смотрели, как на разведчики, посыльные суда. Настоящее же назначение — неожиданные минные атаки — почти вовсе игнорировались. Всё это тем более было жаль, что подбор командиров, по общему мнению, был превосходный, особенно выделялись лейтенанты Максимов, Лепко, Колчак, Плен...» В этом списке, как видим, Тимирёв поставил Колчака на третье место. Далее он упоминал, в частности, А. А. Хоменко и А. И. Непенина, о которых ещё будет идти речь в настоящем повествовании⁴⁰.

Назначение во второй отряд на «Сердитый», надо думать, было для Колчака ещё одним большим разочарованием. Д. В. Ненюков, лейтенант с «Цесаревича», вспоминал, что он несколько раз видел Колчака в Порт-Артуре — и всегда в мрачном настроении. «Тем не менее, — добавлял Ненюков, — Колчак прекрасно командовал миноносцем и оказал большую пользу делу защиты Порт-Артура»⁴¹.

С 21 по 30 апреля ежедневно миноносцы второго отряда тралили внешний рейд. «Сердитый» обычно ходил в паре со «Скорым», которым командовал Хоменко. Вдвоём они дежурили и в проходе в ночь с 26 на 27 апреля⁴². А 1 мая им довелось, наконец, участвовать в серьёзном и опасном деле, о чём речь пойдёт немного позднее.

Вскоре после начала войны наместник отдал приказ о

выезде из Порт-Артура семейств обывателей и жён офицеров, кроме тех, которые обязуются помогать раненым. Многие тогда уехали, но многие и остались. Некоторые — по бедности, другие — по легкомыслию. Чуть ли не все кафешантанные певички записались в сёстры милосердия, продолжая заниматься своим ремеслом. Третьи делали вид, что приказ наместника их не касается. Так, например, Стессель не смог расстаться со своей супругой, а вслед за ним — и некоторые старшие офицеры.

После японского десанта у Бидзыво многие поняли, что дело принимает серьёзный оборот, и засобирались в путь. Но не все успели уехать. На полотне железной дороги начались диверсии. 25 апреля в Порт-Артур чудом проскочил последний состав со снарядами, а 29-го вышедший из Дальнего поезд вернулся обратно: полотно было разрушено на большом протяжении. Вскоре прервалось и телеграфное сообщение. Началась осада — сначала «укреплённого района», который, по сути, не был укреплён, а затем города. Гарнизон осаждённой крепости составлял 41 600 человек, не считая моряков эскадры⁴³.

В конце апреля адмирал Витгефт дал добро на выполнение плана, разработанного командиром «Амура» Ивановым. Замысел состоял в том, чтобы скрытно поставить мины на обычной трассе прохождения отряда блокирующих кораблей. Стали ждать подходящей погоды.

Утром 1 мая на море стоял небольшой туман. Он стлался низом, широкими полосами с промежутками. Иванов решил, что пора действовать. «Амур» вышел в море, имея на борту 50 мин. У выходного створа его ожидали шесть миноносцев. Впереди с тралом пошли «Сердитый» и «Скорый». На расстоянии двух миль от них следовали «Стройный» и «Смелый». За ними шёл «Амур», а замыкали колонну миноносцы без тралов — «Внимательный» и «Выносливый».

«Сердитый» и «Скорый», ушедшие довольно далеко, шли со скоростью пять-шесть узлов. Догонявшие их «Стройный» и «Смелый» по приказу Иванова развили скорость до десяти узлов, и трал у них порвался. Тогда командир «Амура» выслал их вперёд для разведки, а «Сердитому» и «Скорому» велел развить скорость до десяти узлов. Через несколько миль лопнул трал и у них, так что дальше пошли без тралов.

На расстоянии 10,5—11 миль от Золотой горы Иванов решил поставить минную банку. Артиллеристы с Лаотешана видели в море густую полосу тумана, по одну сторону которой дежурила японская эскадра, а по другую «Амур» ставил мины. С вахтенного мостика минного транспорта были вид-

ны верхушки мачт японских судов. Японцы тоже, наверно, заметили мачты «Амура», но приняли его за своё судно.

Японская эскадра ушла. Когда «Амур» сделал своё дело, отправился в обратный путь и отряд русских кораблей. Причём едва не наскочили на хвост японской эскадры, но вовремя повернули в сторону, заметив дым последнего корабля. При входе в гавань увидели сигнал: «Адмирал изъявляет своё особенное удовольствие».

В рапорте на имя командующего эскадрой капитан 2-го ранга Иванов особо отмечал: «Сопровождавшие меня миноносцы своими согласными действиями, вниманием при маневрировании, точным и отчётливым исполнением моих сигналов в большой мере способствовали успеху порученного мне дела»⁴⁴.

С конца апреля японский флот начали преследовать неприятности. Началось с того, что 29 апреля наскочил на мину и взорвался один миноносец. Затем по той же причине пошло на дно посыльное судно. 1 мая крейсер «Кассуга» в тумане протаранил крейсер «Иосино», который сразу же затонул⁴⁵. 2 мая, в десятом часу утра, перед Артуром показались три японских броненосца: «Хацузе», «Шикишима» и «Яшима». Далеко на горизонте виднелись ещё дымы. В 10 часов на всех кораблях русской эскадры была молитва. Вскоре после неё со стороны моря донёсся раскат далёкого взрыва. Сигнальщики на кораблях закричали: «Японец подорвался!» Офицеры бросились на мостик, схватились за бинокли, но за дальностью расстояния ничего нельзя было разглядеть, разве только то, что строй японского отряда несколько нарушился. Прошло ещё полчаса, и воздух один за другим потрясли два взрыва. По судам русской эскадры прокатилось «ура». Теперь в бинокль ясно были видны силуэты только двух неприятельских броненосцев, третий исчез, на его месте можно было заметить лёгкое белое облако, постепенно расходившееся.

Позднее выяснилось, что броненосец «Хацузе» дважды подорвался на mine, причём после второго взрыва сразу же затонул. Подорвался и броненосец «Яшима», заспешивший ему на помощь. Потом со стороны моря послышался артиллерийский гул. Японцы, как видно, тоже воображали, что их атакуют подводные лодки, и начали стрелять в воду.

Адмирал Витгефт поднял сигнал: «Миноносцам развести пары». Вслед за этим был поднят другой сигнал: «Флот извещается, что японский броненосец взорвался на mine». По эскадре, береговым батареям, порту вновь прокатилось «ура». В городе началось ликование. На бульвар вышел ор-

кестр флотского экипажа. Публика потребовала гимн и выслушала «Боже, царя храни» с непокрытыми головами.

«Этот день, — вспоминал Тимирёв, — кажется, единственный за всё время осады, был днём неопишемого ликования, днём победы для Артура. Война порождает жестокость: никто не думал о погибших на японских судах, но все со злорадством торжествовали и праздновали день отмщения за “Петропавловск”, за Макарова»⁴⁶.

Пока миноносцы разводили пары, командир второго отряда Бубнов явился к Витгефту за инструкциями. «Идите к неприятелю, — сказал адмирал, — тревожьте повреждённый броненосец, но в атаку не ведите миноносцев — зря перестреляют». — «А большие суда?» — спросил Бубнов. «Они не пойдут», — ответил командующий.

Встретившись тут же с командиром первого отряда, Бубнов договорился, что второй отряд будет отвлекать японцев на себя, а первый попытается обойти броненосцы и прорваться в корейские шхеры. Тогда он сможет в течение суток действовать на путях сообщения противника, а затем вернётся в Порт-Артур.

Когда оба отряда вышли на внешний рейд, первый из них немного уклонился в сторону, а второй врассыпную бросился на неприятеля. Примерно с расстояния 40 кабельтов оба броненосца открыли огонь. Показались дым и мачты быстро приближающегося большого крейсера. За ним был виден ещё один. С другой стороны показались два корабля, которые преградили путь первому отряду. Видимо, японцы уже успели по телеграфу вызвать все находившиеся поблизости крейсера.

Оба отряда повернули назад. Бубнов попридержал свои миноносцы, чтобы соединиться с другим отрядом. Сегментные снаряды, которыми стреляли японцы, разрывались в воздухе, осыпая миноносцы градом осколков. Японские броненосцы направились на юг, и крен «Яшимы» стал заметнее. А крейсера продолжали преследовать уходящие миноносцы. Особенно настойчив был «Такасаго». Этот быстроходный красавец лёг параллельным курсом и стрелял залпами. Только приблизившись к береговым батареям и заведя вышедший «Новик», он повернул назад.

Все миноносцы вернулись целыми и невредимыми, потерь не было.

Витгефт побывал на каждом миноносце, поблагодарил команду. Многие, однако, недоумевали. «Я этот выход миноносцев до сего времени не могу понять, — писал боцман Бегичев, — зачем нас послали... в погоню в 12 часов дня на

цельную японскую эскадру. Какой мы могли принести вред среди белого дня таким сильным судам? Если бы была ночь, тогда другое дело. Ночью можно близко подойти и выпустить мины. Но днём не допустят и расстреляют артиллерийским огнём». Как бы в ответ на такие вопросы Бубнов отмечал, что стрельба расшатывала переборки повреждённого броненосца и в этом отношении выход миноносцев всё же сослужил службу. «Яшима» не дошёл до базы, затонув в пути.

Несомненно, однако, что Витгефт не ожидал такого успеха. Не было разработано соответствующего плана, не было предпринято таких действий, которые на языке военноморского научного жаргона называются «эксплуатацией победы». Витгефт располагал силами, способными разгромить остатки блокирующего отряда, но кроме миноносцев и лёгкого крейсера «Новик» никто не вышел в море. Витгефта, возможно, удерживало то соображение, что русская эскадра, выйдя на внешний рейд, сможет вернуться назад только ночью, в следующий прилив. Кроме того, адмирал страшно боялся нарваться на минную банку⁴⁷.

Утратой двух броненосцев не закончились злоключения японского флота. 4 мая столкнулись две канонерские лодки, одна из которых затонула. В тот же день в виду Порт-Артура попал на мину и ушёл на дно миноносец «Акацуки».

В течение четырёх дней после катастрофы 2 мая японской эскадры совсем почти не было видно. Японское морское командование приходило в себя. Но русская эскадра в эти дни так и не вышла в море. Только миноносцы выходили в ближние разведки и тралили рейд⁴⁸.

В одну из таких разведок, в ночь на 28 мая, вышли восемь миноносцев первого и второго отрядов под командой капитана 2-го ранга Криницкого. Было дано задание осмотреть близлежащие острова Риф, Айрон и Мяо-Тао и в случае обнаружения противника атаковать его. Пройдя мимо Рифа и Айрона, отряд повернул к Мяо-Тао. Командир приказал увеличить ход до 18 узлов. Почти у всех миноносцев, за исключением трёх, появились из труб факелы. Это означало, что они идут на предельной скорости.

При подходе к Мяо-Тао заметили судно, оказавшееся китайской джонкой. Проверили её, отпустили, дошли до Мяо-Тао и легли на обратный курс. Когда поворачивали назад, раздался звук, напоминающий взрыв. Командир отправился на миноносце в хвост колонны выяснить, в чём дело. Оказалось, что столкнулись два миноносца, но оба держатся на воде. Отсутствовал, однако, «Сердитый». Из расспросов выяснилось, что он отстал ещё до встречи с джонкой.

Обеспокоенный командир повёл отряд в Голубиную бухту, чтобы дожидаться там рассвета. В этой бухте был обнаружен «Сердитый». Колчак доложил, что, отстав от отряда, он решил ожидать его именно здесь.

Утром был сильный туман. С семафора на береговом посту сообщили, что подходят пять японских миноносцев. Отряд приготовился к бою, вышел из бухты, но обнаружил лишь пять джонок. С берега приказали возвращаться, когда позволит туман. Туман позволил лишь наутро. Так в бесполезной погоне за джонками и в пережидании тумана закончилась эта двухдневная разведка. Витгефт был недоволен тем, что Мяо-Тао проскочили на скорости, вместо того чтобы выслать два миноносца, которые тихо подкрались бы и внимательно всё осмотрели⁴⁹.

Где-то в середине мая капитан 2-го ранга Е. В. Клюпфель, бывший командир «Сердитого», перешедший на береговые работы, подал рапорт адмиралу Витгефту. Он предлагал привести в порядок транспорт «Ангара» (бывший пароход «Москва»): ввести его в док, очистить днище, перебрать машину, а затем отправиться на нём в крейсерство на линиях движения японских транспортов. «Ангара», которая могла развить скорость до 20 узлов и нести запас угля на 40 дней хода, вооружённая двадцатью пушками, была в состоянии внести немалое расстройство в японские морские коммуникации. По исполнении крейсерской задачи предполагалось идти либо во Владивосток, либо навстречу эскадре Рождественского (которая, правда, тогда ещё не вышла из Кронштадта). Самой опасной частью плана считался прорыв через блокаду у Порт-Артура. Клюпфель предполагал сделать это ночью, в свежую и пасмурную погоду.

Витгефт согласился с этим планом и разрешил Клюпфелю набирать по своему усмотрению офицеров из числа добровольцев. Клюпфель пригласил на должность штурмана Сергея Тимирёва с «Победы», старшим офицером — Николая Львова, вахтенными начальниками — Анатолия Бестужева-Рюмина, Александра Колчака и Павла Плена. Все загорелись этой идеей, которая, как казалось, давала, наконец, возможность каждому по-настоящему проявить себя. План держался в большом секрете. Для обсуждения его подробностей шестеро офицеров, как заговорщики, совещались в Морском собрании. Выход в море был назначен на конец мая. Но где-то в двадцатых числах Витгефт всё отменил⁵⁰. Возможно, ему не хотелось терять артиллерию на «Ангаре» и боевых офицеров. Порт-Артур для него был выше всего. Пушки с «Ангары» передали на сухопутный

фронт. Транспорт был переделан в госпитальное судно, а когда крепость пала, стал добычей японцев.

Тральные работы, отнимавшие много сил и времени, продолжались изо дня в день, и тем не менее в главном фарватере постоянно попадались японские мины. Витгефт распорядился установить ночное дежурство миноносцев в бухте Тахэ, надеясь, что они однажды подловят японские катера и минные заградители за их работой. «Сердитый» и «Скорый» начали дежурить с 1 июня и в дальнейшем выходили, обычно в паре, на дежурство через один-два дня.

13 июня, на рассвете, «Сердитый» и «Скорый» заметили два силуэта неприятельских миноносцев. Прикрываясь некоторое время берегом, Колчак и Хоменко повели за ними свои корабли, и вскоре удалось рассмотреть, что это номерные (маленькие) миноносцы. Обнаружив преследование, они стали уходить, причём сразу обнаружилось их превосходство в скорости. «Сердитый» и «Скорый» открыли огонь. Преследование, однако, пришлось прекратить, когда навстречу показался целый отряд японских миноносцев. Береговая батарея отогнала их, но один из неприятельских миноносцев успел принять с берега двух человек⁵¹. В окрестностях Порт-Артура действовало огромное число японских шпионов.

Японцы узнали о дежурствах в бухте Тахэ и приняли свои меры. 11 июля там находился усиленный наряд миноносцев («Боевой», «Грозовой» и «Лейтенант Бураков»). С ними затеял перестрелку отряд японских миноносцев. В это же время неприятельские минные катера, невидимые в темноте и неслышимые в грохоте артиллерии, зашли с тыла и выпустили торпеды. «Боевой» и «Грозовой» получили повреждения, а «Бураков» затонул. Это был лучший миноносец порт-артурской эскадры, который мог развивать скорость до 33 узлов⁵². Все жалели «Буракова», а Колчак словно во второй раз потерял своего товарища по выпуску.

Простудившись на ночных дежурствах, Колчак впервые в своей жизни тяжело заболел. «...Я не рассчитал своих сил, которые уже за всё это время были подорваны, — рассказывал он впоследствии, — я получил очень тяжёлое воспаление лёгких, которое меня заставило слечь в госпиталь». Колчак провёл на больничной койке около месяца и вернулся на миноносец уже в июле⁵³.

В это время минные банки стали ставить не только с катеров и минных транспортов, но и с миноносцев. 23 июля Витгефт доносил Алексееву о том, что испытано устройство для постановки десяти мин с одного миноносца, «и ночью

лейтенанты Рошаковский, Ковалевский, Колчак и Волков поставили в двух местах заграждения»⁵⁴.

К концу июля Порт-Артур опутала густая сеть минных заграждений, поставленных обеими сторонами. Неприятель почти не имел возможности с моря подойти к крепости. Её защитники оставляли для себя несколько проходов. Главный фарватер поддерживался в относительной чистоте благодаря непрерывному тралению. Не проходило почти и дня, чтобы кто-то не подорвался: миноносец, пароход-тральщик, землесос или портовый баркас. Частые подрывы бывали и у японцев⁵⁵.

Тем временем сухопутный фронт всё ближе подходил к Артуру. 13 мая японские войска начали штурм позиций на перешейке Кинчжоу. В помощь сухопутным войскам в залив Кинчжоу вошли японские канонерские лодки и миноносцы, начавшие обстрел русских позиций. В свою очередь канонерская лодка «Бобр» (самая мелкосидящая) и миноносцы «Бойкий» и «Бурный» зашли в залив Даляньвань и открыли огонь с другого фланга. На одном фланге японцы упорно наступали, форсируя залив чуть ли не по горло в воде, а на другом их пехота была рассеяна, а батареи подавлены.

Решающую роль сыграло девятикратное численное превосходство японцев. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, защищавший позиции, потерял до трети своих солдат и около половины офицеров. Генерал-майор А. В. Фок, командовавший обороной Кинчжоу, не прислал в подкрепление сражающимся ни одного солдата⁵⁶. Как говорили в Артуре, Фок получил задание: имея пять полков, как можно дольше задержать японцев, чтобы дать возможность закончить самые необходимые укрепления крепости. Фок действовал хладнокровно и цинично, как шахматист: он отдавал на съедение противнику передовую часть своих войск, не давая вовсе ей подкреплений. Так он пытался к Артуру около двух месяцев, раз за разом обрекая на гибель какую-то часть своей дивизии. По многим причинам, а прежде всего потому, что от него нельзя было ждать помощи в трудный момент, Фок был очень непопулярен в армии⁵⁷.

15 мая в Порт-Артуре хоронили убитых в Кинчжоуском бою (тех, кого смогли вынести). На нескольких подводках привезли 43 пропитанных кровью парусиновых мешка и сложили в общую могилу. Люди крестились и вздыхали: «Когда же придёт Куропаткин?»⁵⁸

После Кинчжоу пришлось спешно оставлять Дальний. Подвод на всех не хватило. Простые обыватели, захватив самые необходимые вещи, шли в Порт-Артур пешком, чтобы

хлебнуть горя и там. Когда поднялись на перевал, в вечерних сумерках увидели зарево над оставленным городом. Это горел военный вокзал, только что построенный. Затем слышались взрывы⁵⁹. Однако ни портовые сооружения, ни склады полностью разрушить не успели, и они попали в руки неприятеля.

Несколько дней, до прихода японцев, Дальний был в руках разбойничьих шаек (хунхузов). Они грабили лавки и частные дома, ночевали в роскошных отелях, устроили множество пожаров. Когда пришли японцы, грабители превратились в мирных торговцев. В китайских лавках русские товары потеснили традиционную китайскую экзотику, а лучшие сорта шампанского, которое китайцы приняли за содовую воду, шли за сущую мелочь. И лишь необычный интерес покупателей к этому напитку вызвал у торговцев подозрение и заставил взвинтить цены⁶⁰.

«Вот придёт Куропаткин» — эта фраза не сходила с уст не только простых портартурцев, но и начальников. Поначалу казалось, что осада продлится недолго, а потом набравшаяся сил Маньчжурская армия сбросит неприятеля в море. Стессель, правда, не был уверен, что Порт-Артур продержится и месяц. От имени командующего Квантунским укрепленным районом в штаб Маньчжурской армии и к наместнику шли панические депеши с мольбой о скорейшем спасении.

Алексеев и Куропаткин вняли, наконец, этим призывам и отправили на выручку Порт-Артура корпус генерала Г. К. Штакельберга. Правда, Куропаткин пожадничал и дал ему 32 батальона вместо 48. 1—2 июня близ железнодорожной станции Вафангоу произошло сражение этого корпуса с превосходящими силами японцев. Штакельберг едва не попал в окружение и отступил, не прорвавшись к Порт-Артуру. Осажденная армия в эти дни вела себя пассивно, видимо, не зная о происходивших событиях. И только «Новик» и оба отряда миноносцев 1 июня выходили в море для обстрела неприятельских береговых позиций⁶¹.

Не только население Порт-Артура, но и командование гарнизона и эскадры было плохо осведомлено о положении дел на маньчжурском театре военных действий. Поэтому успокоительные телеграммы из штаба наместника понимались буквально. 25 мая Витгефт собрал совещание адмиралов и командиров больших кораблей («флагманов и капитанов», как говорили тогда). Перед ними был поставлен вопрос: надо ли эскадре сделать попытку прорваться во Владивосток? Большинство высказалось в том смысле, что

выход бесполезен и опасен: суда подорвутся на минах, будут потоплены сильнейшим врагом, а крепость лишится судовой артиллерии и нескольких тысяч защитников. За выход эскадры подал голос только командир «Севастополя» Н. О. Эссен⁶². Витгефт тоже был против попыток прорыва. Он считал, что Порт-Артур — это главный приз войны. Если эскадра уйдёт, крепость вскоре падёт. Вполне возможно, что в глазах адмирала ценность Порт-Артура даже превышала ценность эскадры.

Мнение флагманов и капитанов было сообщено Алексею и вызвало с его стороны горячие возражения. Наместник считал, что флот имеет свои специфические задачи: действовать на морских коммуникациях противника, стараясь отрезать от базы снабжения действующие в Маньчжурии войска. Если Порт-Артур падёт, эскадра будет почти задаром отдана противнику. А после Вафангоу деблокирование крепости стало проблематичным.

Из штаба наместника в Порт-Артур поступали сведения, что после майских событий японский флот сильно ослаблен, так что русская эскадра в настоящий момент явно сильнее⁶³. Под давлением Алексеева выход был назначен на 10 июня. Газета «Новый край» красочно описывала это событие: «Ночь звёздная. Полная тишина на рейде. Артур спал своим обычным чутким сном. Прекратилась всякая езда, и спокойствие ночи нарушалось лишь редкими окриками часовых на вахте... Но вот раздались на одном из судов свистки боцманских дудок. Их повторило и другое судно. Повторила затем и вся эскадра: “Команде вставать!” Было 3 часа ночи»⁶⁴.

Однако выход эскадры затянулся до 9 часов утра, а потом обнаружилось, что на внешнем рейде множество мин. Пока их вылавливали, солнце прошло через зенит. А вскоре после того, как двинулись в путь, впереди обрисовались силуэты японских кораблей. Когда сблизилась примерно на 45 кабельтовых, окончательно убедились, что в общем числе боевых кораблей русская эскадра уступает неприятельской. Правда, под командованием Витгефта было пять броненосцев, а у Того — четыре. Но по числу броненосных крейсеров соотношение было четыре к одному в пользу японцев, не говоря уже о миноносцах, которых было видимо-невидимо. К тому же с некоторых русских кораблей было снято много пушек и передано на береговые позиции.

Эскадры не открывали огня. Поколебавшись, Витгефт дал приказ возвращаться в Артур. На обратном пути, когда стало уже темнеть, русская эскадра подверглась яростной атаке

японских миноносцев. Они не отступили даже тогда, когда флот вошёл под защиту береговых батарей. Атаки продолжались всю ночь, пока флот стоял на якоре, ожидая прилива. Но все усилия миноносцев оказались тщетными. Эскадра уже научилась от них отбиваться. Артиллеристы утверждали, что они потопили несколько миноносцев. По японским источникам, были сильно повреждены три миноносца. Утром эскадра в полном составе вернулась в гавань. Пострадал лишь «Севастополь», наткнувшийся на мину. Его отправили в ремонт⁶⁵.

В середине июня, когда начались летние проливные дожди, японцы перешли в наступление. Теперь ими командовал боевой генерал, суровый воин, барон Ноги Маресуке. 13 июня для обстрела русских позиций к берегу подошли один лёгкий крейсер и 10 миноносцев, а на горизонте виднелись пять больших кораблей. Крейсера «Новик» и «Всадник», три канонерские лодки и 14 миноносцев вышли в море и отогнали японские суда. Большие же корабли не рискнули приблизиться, опасаясь мин⁶⁶. Генерал Фок продолжал медленно отступать к Артуру. Была оставлена гора Куинсан, защитники которой не получили подкрепления. Потом спохватились: гора господствовала над портом Дальним, а кроме того, с неё открывался прекрасный вид и на русские позиции. 20 июня части порт-артурского гарнизона перешли в наступление, чтобы отбить гору. Сначала, по наивности, шли с музыкой и знамёнами. Потом прибегли к тактике внезапных ночных атак. Всё было тщетно. Японцы успели хорошо укрепиться, и даже артиллерия крейсера «Новик» и обоих миноносных отрядов не смогла сбить их с вершины. Бои за Куинсан обошлись очень дорого русским войскам и закончились безрезультатно⁶⁷. Японцы возобновили наступление. 17 июля, после тяжёлых боёв, они подошли к передовым укреплениям Порт-Артура.

Стессель продолжал слать панические телеграммы, и это производило плохое впечатление на Куропаткина. Именно на Стесселя он возлагал ответственность за неудачу поспешной и недостаточно подготовленной экспедиции Штакельберга. После одной из таких телеграмм Куропаткин сделал наместнику представление об удалении Стесселя из Порт-Артура. Алексеев запросил мнение Витгефта. «По совести считаю, — отвечал адмирал, — что у генерала Стесселя нет твёрдой уверенности в имеемых средствах, быстро меняет убеждения, настроение под влиянием обстановки и окружающих лиц. Авторитетен лишь в силу старшинства». Получив этот отзыв, Куропаткин направил Стесселю телеграмму: «Так как Ваше командование укреплённым районом окон-

чилось и Вы вошли в крепость, то... предлагаю Вам сдать... командование крепости коменданту её и прибыть выбранным Вами путём, например, на миноносце, в Маньчжурскую армию, где при первой возможности Вы займёте положение командира корпуса». Одновременно на имя коменданта Порт-Артура генерал-майора К. Н. Смирнова была послана телеграмма, в которой, для сведения, воспроизводился текст телеграммы Стесселю.

Обе телеграммы попали в руки и. о. начальника штаба укреплённого района полковника В. А. Рейса. Он доложил о них Стесселю, а потом приказал штабным офицерам считать их неполученными и никому о них не говорить.

Куропаткин ещё раз повторил телеграмму, а 19 июня послал Стесселю предписание сдать все дела и прибыть в Маньчжурскую армию. Стессель снова не подчинился, доказывая в ответном письме, что его удаление вредно отзовется на обороне Порт-Артура. Куропаткин на письмо не ответил и больше не настаивал на отъезде Стесселя. А Смирнов до конца осады ничего об этом не знал⁶⁸.

Таким образом, в штабе укреплённого района возник своего рода заговор, и Стессель, человек и без того внушаемый, попал в зависимость от Рейса, своего сообщника. Рейс, возможно, уже тогда в душе был капитулянтом, хотя до поры до времени этого не обнаруживал.

Пока фронт приближался к Порт-Артуру, город опоясывался спешно возводимыми укреплениями, которые смыкали в сплошную линию прежний пунктир недостроенных сооружений. За несколько месяцев на сухопутном фронте была проделана более значительная работа, чем за предыдущие шесть лет. Некоторые из вновь построенных долговременных и полевых укреплений не были предусмотрены прежним проектом⁶⁹. Работой руководил начальник сухопутной обороны генерал-майор Р. И. Кондратенко. В период последних боёв перед плотной осадой крепости к нему фактически перешло руководство военными действиями на суше. В критические моменты он, случалось, сам вёл войска в атаку. С этих пор он стал душой обороны крепости. Ему долго сопутствовало необыкновенное везение. Однажды на передовой позиции разорвавшимся японским снарядом были убиты командир батареи и его помощник, а стоявший в нескольких шагах от них Кондратенко остался невредим⁷⁰. Судьба словно берегла его, чтобы дать возможность раскрыться его ярко военному дарованию. Дарованию, которое так неожиданно заблестало в Порт-Артуре и затем вдруг в одночасье погасло.

В воскресенье, 25 июля, после литургии в порт-артурской церкви, духовенство и многочисленные миряне совершали крестный ход. Процессия прошла по Бульварной, Набережной и Пушкинской улицам на городскую площадь. Здесь началось молебствие о даровании победы. И когда народ преклонил колени, вдруг раздался свист пролетающих снарядов. Это была первая бомбардировка Артура с сухопутного фронта. Она не вызвала паники. Только матери с детьми торопливо поднялись с колен и, боязливо озираясь, заспешили по домам, наивно надеясь, что под черепичными крышами можно спастись от японских фугасов⁷¹.

С этого времени бомбардировки происходили почти каждый день, в основном по Старому городу и порту. Закрылись многие магазины, даже аптеки. Холостым и оторванным от семьи людям стало негде обедать. В дневнике петербургского рабочего П. Ф. Дылевского приводится характерная сценка в ресторане «Саратов»: «Когда я допивал бутылку кваса, рядом [на улице] разорвался снаряд. Хозяин спросил: “Вы что же, будете обедать до тех пор, пока снаряд не разорвётся на тарелке?” В это время у самой двери разорвался очередной снаряд. Окна и двери вылетели вон»⁷². В порту разлетались в щепки и вдребезги штабеля со сминовской водкой. К разбитым ящикам и растекавшейся зазря живительной влаге отовсюду сбегались солдаты, матросы и рабочие, пренебрегая опасностью со стороны японской артиллерии и портовых патрулей. Людей можно было понять, ибо с начала войны Стессель объявил в городе сухой закон, сделав исключение лишь для господ офицеров. Так что в ход пошёл уже мебельный и паркетный лак, из которого умельцы научились извлекать спирт⁷³.

Обстрел города и порта в это время вёлся почти вслепую. Но поскольку корабли в гавани стояли тесно, то начались попадания и в них. Один снаряд разметал всю мебель в боевой рубке флагманского броненосца «Цесаревич». Витгефт, в этот момент находившийся там, чудом остался жив и был слегка контужен. После этого он перебрался в рулевое отделение под броневой палубой⁷⁴.

Господствующие высоты находились ещё в руках русских, и ответный огонь корабельной артиллерии был прицельным. Как говорили, на японских солдат наводили ужас разрывы 12-дюймовых снарядов с русских броненосцев.

Около 26 июля Витгефт получил от наместника категорический приказ, подкреплённый ссылкой на волю императора, идти на прорыв во Владивосток. «Напоминаю, — писал Алексеев, — Вам и всем начальствующим лицам подвиг “Ва-

ряга” и что невыход эскадры вопреки высочайшей воле и моим приказаниям и гибель её в гавани в случае падения крепости лягут... неизгладимым пятном на Андреевский флаг и честь родного флота»⁷⁵. После этого было принято окончательное решение, и Витгефт быстро и хорошо провёл подготовку, забрав, вопреки сопротивлению сухопутного начальства, с позиций на корабли почти всю позаимствованную артиллерию.

Витгефт неоднократно говорил, что он не собирался и не готовился быть флотоводцем, предпочитая штабную и научную работу⁷⁶. Но когда судьба указала на него, он не пытался уклониться от ответственности или отсидеться. Витгефт был человеком долга и фаталистом. А потому перед отплытием ответил с суровой решимостью на чьё-то пожелание доброго пути: «Нечего желать, я убеждён, что меня убьют».

Многие советовали выйти с ночи, чтобы проскочить мимо главных сил неприятеля, базирующихся в Дальнем и Чемульпо. Витгефт отклонил этот совет, сказав, что он гораздо больше боится заградительных мин, чем неприятельских кораблей. Действительно, ночью было гораздо трудней идти точно след за тралами, и один или два корабля могли подорваться⁷⁷. Очевидно, Витгефт не хотел ослаблять себя перед боем, который считал неизбежным.

Выход эскадры был назначен на 28 июля. Накануне снова был сильный обстрел, и «Ретвизан» получил большую пробину. Её наскоро заделали железным листом, который оказался маловат и держался ненадёжно. «С такой негодной затычкой броненосец был в бою 28 числа», — писал Колчак⁷⁸.

Стало известно, что с эскадрой пойдут миноносцы первого отряда, а второй будет конвоировать тралящий караван и вместе с ним вернётся в Артур. Накануне выхода Колчак зашёл на «Бесшумный» к Бегичеву, и они попрощались⁷⁹. Больше они, наверно, не виделись. Жизнь развела, и закончилась дружба между офицером и боцманом. В своих воспоминаниях Бегичев не сказал о Колчаке ни одного плохого слова, несмотря на то, что писались они уже в советское время.

Около двух часов ночи эскадра начала выходить. В 7 часов неприятель начал бомбардировку из полевых орудий, но в это время большинство судов было уже на рейде. Заметив их на рассвете, японские миноносцы помчались с докладом к начальству.

В половине девятого эскадра направилась в море. Впереди шли землесосы, пароходы и катера с тралами. Их конвоировал второй отряд миноносцев, а также канонерские лод-

ки «Бобр» и «Гремящий». Пройдя около десяти миль, адмирал отпустил тралящие суда вместе с конвоем.

Эскадра скрылась из виду. Конвой, проводив тральщиков до входа в гавань, отправился в бухту Тахэ обстреливать неприятельские позиции. В опустевшей порт-артурской гавани из больших кораблей остался лишь «Баян», незадолго до выхода эскадры наскочивший на мину⁸⁰.

Город как бы осиротел, а особенно ожесточённая бомбардировка в этот день усиливала чувство обречённости. О судьбе эскадры не поступало известий вплоть до утра.

На рассвете 29 июля с наблюдательных постов увидели на внешнем рейде «Ретвизан», «Севастополь», «Пересвет», «Палладу» и один миноносец — им оказался «Бойкий». Позднее подошла «Победа» с двумя миноносцами. Когда они прошли в гавань, портартурцы заметили, что корпуса кораблей зияют пробоинами, трубы в дырах, мачты побиты. Стали свозить на берег убитых и раненых. Среди последних Колчак мог увидеть своего однокурсника лейтенанта Александра Рыкова, у которого была оторвана нога. Где «Цесаревич», «Аскольд», «Диана», «Новик» и остальные пять миноносцев, никто не знал. Разнёсся слух, что адмирал Того убит⁸¹. Это немного поддержало дух портартурцев, хотя слух оказался ложным.

* * *

Вскоре после боя 28 июля Колчак завёл тетрадь в чёрном клеёнчатом переплёте, в которую время от времени записывал свои наблюдения и размышления. Порт-артурская тетрадь Колчака вместила в себя две пространные записки («О действиях артиллерии во время обороны Порт-Артура» и «Бой 28 июля»), несколько мелких заметок и, наконец, дневник последних двух месяцев осады, озаглавленный автором «Батарея Скалистых гор»⁸².

В первой из этих записок затрагиваются вопросы сугубо военно-технические. Колчак описывает, по рассказам и собственным наблюдениям, действие японских снарядов — бронебойных и фугасных, причём о первых высказывается критически, а вторые считает очень эффективными. Изучив направление разлёта их осколков, он пишет, что при ударе о твёрдый предмет масса осколков летит назад, при взрыве в мягком грунте — в основном вперёд. А при взрыве о воду направление разлёта угадать трудно. Однажды, сообщает Колчак, он сидел в шлюпке, когда над ней пролетел шестидюймовый снаряд и ударился о воду на расстоянии

одной сажени. И ни один из осколков не попал ни в шлюпку, ни в людей на её борту⁸³.

Записку о сражении в Жёлтом море 28 июля 1904 года Колчак написал со слов очевидцев. На таком же источнике построен рассказ об этом событии в книге М. Бубнова. С. Н. Тимирёв, старший штурман на «Победе», писал по собственным впечатлениям. Если основываться на их рассказах (с привлечением некоторых других источников), то получается картина, несколько отличающаяся от официального описания Исторической комиссии Морского генерального штаба, составленного на основании рапортов командиров кораблей.

Отпустив тральщики и миноносцы второго отряда, адмирал Витгефт поднял сигнал: «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток». Это означало, что приказание должно быть выполнено во что бы то ни стало.

Вскоре на горизонте показались японские броненосцы, спешившие на перехват русской эскадры. Позади них темнели силуэты японских крейсеров. Подсчитывая боевую мощь главных сил обеих сторон, Колчак отмечал, что если исходить из общепринятых коэффициентов, то силы были равны. Но на деле, писал он, равенства не было, так как на русскую эскадру с сухопутного фронта вернули не всю артиллерию. Очень много осталось на берегу шестидюймовых орудий. В общем, делал вывод Колчак, преимущество японской эскадры складывалось на величину одного первоклассного крейсера⁸⁴.

Витгефт приказал эскадре построиться в три кильватерные колонны — миноносцы, крейсера и броненосцы. Командующий, видимо, считал важным сохранить движение по заданному курсу. Колчак, со свойственной ему резкостью, назвал такое решение бессмысленным. Поскольку неприятель оказался в голове колонны броненосцев, то концевым кораблям стрелять по нему было крайне неудобно, и они вынуждены были немного выходить из линии. Авторы официального описания боя тоже считали, что тактика Витгефта «отвязаться» от неприятеля и уйти своим путём была неудачна, поскольку эскадра не имела преимуществ в ходе. Лучше было бы, наверно, принять какой-то другой боевой порядок и сражаться наступательно, а не уходя.

Сражение началось, когда расстояние до флагманского корабля «Микаса» сократилось до 70 кабельтовых. Витгефт приказал стрелять по «головному» — по «Микасе». Через мгновение около броненосцев вода закипела от множества рвущихся снарядов. «Благодаря чудной погоде и мёртвому штилю, — вспоминал Тимирёв, — картина получилась очень

красивая: корабли казались как бы опоясанными кипящим и пенящимся морем».

Первый бой продолжался полтора часа. Японцы пересекли линию курса нашей эскадры, перешли на правую сторону и постепенно удалились, следуя на соединение со своими крейсерами. Витгефт дал сигнал: «Команда имеет время обедать» — и запросил о повреждениях и потерях. Серьёзных повреждений не оказалось, потери были небольшие⁸⁵.

В этот день, с самого выхода в море, адмирал Витгефт всё время был на мостике. В самом деле, как руководить плаванием и боем, находясь под бронированной палубой?! Когда начался бой, ему предложили перейти в боевую рубку. Адмирал отвечал, что там и без него тесно. И не может он перейти сам, а штаб оставить на мостике. Тогда его попросили подняться на верхний мостик, куда меньше залетало осколков. Витгефт сказал, что всё равно, где помирать⁸⁶. Когда японцы вышли из боя, «Цесаревич» увеличил ход до 14,5 узла. «Севастополь» и «Полтава» стали отставать. Оба были тихоходы, а на «Полтаве» к тому же существовали проблемы с одной из машин. Японцы, догоняя нашу эскадру, стали стрелять по концевым броненосцам. «Полтава» открыла ответный огонь, не дожидаясь приказа. Второй бой начался около 4 часов пополудни⁸⁷.

С. Н. Тимирёв вспоминал, что «японцы стреляли хорошо, но целились слишком высоко, видимо, желая сбить боевые рубки». Поэтому больше всего страдала верхняя часть кораблей — трубы, мачты и мостики. Выяснилось одно важное преимущество японской артиллерии: неприятельские снаряды при взрыве давали большое облако чёрного или желтовато-бурого цвета. Видя попадание своих снарядов, японцы хорошо корректировали стрельбу. Русские же снаряды давали лёгкое малозаметное облачко, которое быстро рассеивалось.

Когда эскадры, шедшие параллельными курсами, сблизились до 30 кабельтовых, бой закипел с особой силой. Японцы сосредоточились на «Цесаревиче» (флаг Витгефта) и «Пересвете» (флаг Ухтомского). «Цесаревич» временами вообще исчезал в облаках дыма. Русские броненосцы стреляли по «Микасе». Было замечено, что японский флагманский корабль ослабил огонь. Из крупных орудий у него теперь стреляло одно шестидюймовое. «Убеждаясь, что все наши суда, — вспоминал Тимирёв, — несмотря на наружные многочисленные повреждения, продолжают прекрасно держаться в строю, несколько не отставая, японский же огонь начинает несколько ослабевать, мы уже начинали радовать-

ся, что, благополучно выдержав 5-часовой почти непрерывный бой, удачно выполнили задачу и можем без помехи продолжать свой путь; подъём духа среди команды и офицеров дошёл до своего апогея — и тут-то произошло событие, сразу изменившее наше положение»⁸⁸.

Шедший головным «Цесаревич» вдруг повернул налево. «Ретвизан», следовавший за ним, сначала тоже повернул. Но «Цесаревич», продолжая поворот, направился прямо в борт «Победе», которая должна была уступить дорогу. Все броненосцы, за исключением «Цесаревича», застопорили машины и сбились в кучу. Флагманский корабль прекратил, наконец, циркуляцию и поднял сигнал, всех озадачивший: «Адмирал передаёт командование». Было около 6 часов вечера.

Как потом узнали, на «Цесаревиче» произошли драматические события. В начале шестого часа 12-дюймовый японский снаряд разорвался между верхним и нижним мостиками. Тело адмирала Витгефта обнаружено не было, нашли только ногу. Убито было ещё несколько офицеров штаба. Командир корабля капитан 1-го ранга Иванов решил пока не сообщать о случившемся и повёл эскадру прежним курсом. Но не прошло и часа, как в рубку залетел снаряд и убил рулевого, который в это время, чтобы немного выправить курс, дал право руля. Никем не управляемый броненосец стал делать ту самую циркуляцию, которая расстроила эскадру. Раненый командир корабля, находясь, видимо, не в себе, ушёл, ни о чём не распорядившись. Положение восстановилось, когда вышли из шока лейтенанты Д. В. Ненюков и В. К. Пилкин, которые наладили управление кораблём. Потом в рубку пришёл старший офицер Д. П. Шумов, взявший командование на себя и приказавший известить эскадру о том, что командующий выбыл из строя⁸⁹.

Есть сведения о том, что адмирал Того в шестом часу вечера намеревался выйти из боя. «Микаса» был сильно повреждён, а запас снарядов за несколько часов интенсивного огня сильно уменьшился. Выше уже приводилось свидетельство Тимирёва, что неприятельский огонь начал ослабевать. Бубнов к этому добавляет, что расстояние до японской эскадры стало увеличиваться: неприятель постепенно уходил в сторону⁹⁰. Видимо, какие-то распоряжения Того уже отдал. Но, видя возникшее в русской эскадре замешательство, он изменил решение. Японцы, как говорится в записке Колчака, начали охват русской эскадры, намереваясь расстрелять сбившиеся в кучу корабли. Однако эта попытка была пресечена смелым маневром «Ретвизана». Броненосец пошёл прямо на японский флагманский корабль, явно намереваясь его

протаранить. Японцы, видимо, несколько растерялись, потому что их снаряды в этот момент дали перелёты. Получив два залпа из носовой и кормовой башен «Ретвизана», «Микаса» стал уклоняться в сторону, а за ним последовали другие японские корабли. «Ретвизан» же повернул назад и вернулся к своим броненосцам.

После Витгефта командование должно было перейти к Ухтомскому. Но из-за того, что на «Пересвете» были перебиты все снасти (фалы) на мачтах, новый командующий долгое время никак себя не обнаруживал. Наконец по наружным сеткам мостика на «Пересвете» растянули сигнал «Следовать за мною». Но это мало кто заметил. «Ретвизан» уже занял место головного и взял курс на север, в Порт-Артур. «Пересвет» покорно последовал за ним, а вслед за ними — другие броненосцы и крейсер «Паллада»⁹¹. Когда «Паллада» проходила мимо «Севастополя», Н. О. Эссен спросил В. М. Сарновского, согласен ли он следовать вместе с ним во Владивосток. Командир крейсера отвечал, что эскадра идёт в Артур и надо идти вместе с ней⁹². Пробиваться во Владивосток в одиночку Эссен не решился, тем более что броненосец был тихоходный.

Дважды становясь во главе эскадры в критические моменты (после гибели Макарова и Витгефта), Ухтомский в том и другом случае пускал дело на самотёк. Тимирёв писал о нём, что это был человек храбрый, но «всему флоту была известна его полная неспособность к чему бы то ни было». А Эссен отмечал, что князь «был всегда особенным противником активных действий»⁹³.

Утром 28 июля, выходя в море, Витгефт дал сигнал: «В случае боя начальнику крейсеров действовать по усмотрению»⁹⁴. Командующий, возможно, имел в виду, что крейсера, в случае неудачного исхода боя, могли бы попробовать самостоятельно прорваться во Владивосток. В критический момент сражения контр-адмирал Н. К. Рейценштейн вспомнил этот приказ и истолковал его по-своему. Он начал перестроение своего отряда, переходя на другую сторону броненосцев. Колчак писал, что «Аскольд» «метался, как сумасшедший, угрожая больше всего нашим миноносцам»⁹⁵. За «Аскольдом» пошли «Новик» и несколько миноносцев. «Диана» одно время следовала за эскадрой, потом тоже присоединилась к «Аскольду». Крейсера с боем прорвались сквозь строй японских кораблей, но затем «Аскольд» и «Диана» повернули не во Владивосток, а на юг.

«Аскольд», в сопровождении одного из миноносцев, дошёл до Шанхая. По международным правилам корабль од-

ной из воюющих сторон мог оставаться в нейтральном порту не более суток. Иначе его следовало интернировать до конца войны. В русской колонии Шанхая говорили, что командование крейсера нарочно затянуло починку, чтобы досрочно закончить военную кампанию⁹⁶.

«Новик», единственный, кто пытался проскочить во Владивосток, встретил у берегов Сахалина два японских крейсера и вступил с ними в бой. «Новик» был сильно повреждён и затоплен своей командой, которая сошла на берег⁹⁷. «Диана» дошла до Сайгона и даже успела заправиться углем, но осталась там по распоряжению из Петербурга. Три миноносца, в том числе «Бесшумный», были интернированы в Киао-Чао. Один из миноносцев разбился у берегов Китая.

На «Цесаревиче» офицеры решили идти во Владивосток. Броненосец отбилась от атак миноносцев и миновал мыс Шантунг (Шандунь). Ночью очнулся раненый командир Иванов и приказал идти в Киао-Чао⁹⁸.

Броненосцы, возвращавшиеся в Порт-Артур, ночью были атакованы миноносцами, но отбились от них без потерь. В издании Исторической комиссии Морского генерального штаба отмечается «неэнергичное использование японцами результатов окончившегося в их пользу сражения». Видимо, японская эскадра была сильно повреждена и Того удовлетворился тем, что загнал противника обратно в Порт-Артур. С его стороны это, конечно, было проявлением ведомственного эгоизма: уничтожение флота силами сухопутной армии должно было стоить ей огромных потерь.

Очень веско звучит общий вывод комиссии: «В этом бою ни мы, ни японцы не потеряли ни одного судна, что свидетельствует о том, что не материальные результаты боя определили исход его, ибо потери и повреждения были почти равны, а причина неудачи нашей эскадры коренилась в неудовлетворительном командовании ею». Тимирёв ещё более решительно утверждал, что сражение в Жёлтом море закончилось «столь печально и бесплодно для нас главным образом по вине тех, которые допустили командовать эскадрами на Востоке совершенно не подготовленных к этой роли адмиралов или же бездарных и неспособных»⁹⁹.

Впоследствии все командиры кораблей, даже не очень задетых в бою (за исключением Эссена), приводили в рапортах самые разнообразные доводы, доказывая, что идти во Владивосток им было никак невозможно. Но многие офицеры не столь высоких чинов считали иначе. Тимирёв писал, что все суда, даже сильно повреждённые, могли дойти до Владивостока при следующих условиях: полный штиль (даже при не-

большом волнении масса воды должна была влиться в расположенные очень низко пробоины и увлечь судно на дно), малый ход (повреждённые трубы давали слабую тягу) и отсутствие преследования (на судах оставался запас снарядов примерно на 40 минут боя)¹⁰⁰. На японских кораблях снарядов было, наверно, не больше: они вели более интенсивную стрельбу. Море в этот день было на редкость тихим. А по мере расходования угля бортовые пробоины должны были подниматься над водой всё выше. Размышляя об этом дне упущенных возможностей, М. Бубнов писал: «Если бы командир броненосца “Ретвизан” вместо Артура отправился во Владивосток, то и вся эскадра последовала бы за ним, так как адмирал князь Ухтомский не обнаружил какой-либо своей деятельности, а из этого ничего не могло бы произойти хуже того, что постигло затем вернувшиеся суда»¹⁰¹.

В дальнейшем из всех командиров кораблей, участвовавших в сражении, только Эссен продолжал активную службу и делал карьеру. Другие, в том числе командир «Ретвизана» Э. Н. Шенснович, сыгравший тогда такую неоднозначную роль, получали очередные звания, но не назначались на ответственные должности. Это было довольно мягкое наказание за неисполнение приказа императора.

* * *

В конце июля, воспользовавшись тем, что с сухопутного фронта на корабли были возвращены десанты и морские орудия, японцы начали сжимать кольцо осады. Им удалось захватить ряд важных высот. Бои на отдельных участках фронта продолжались и в начале августа. В проливной дождь японские солдаты, сбросив мокрую одежду и схватив в руки оружие, бежали в атаку почти голыми. На 6 августа генерал Ноги назначил общий штурм крепости.

Японское командование исходило из заниженной оценки численности гарнизона и ошибочного предположения о слабости Восточного фронта обороны крепости сравнительно с Западным. Поэтому на Западный фронт наносился отвлекающий удар, а на Восточный — основной.

Штурм продолжался с 6 по 11 августа. В итоге на Западном фронте японцам удалось захватить имеющие важное стратегическое значение горы Угловая и Панлуншань, а на Восточном — два выдвинутых вперёд небольших редута. За эти скромные достижения японское командование заплатило страшную цену — около 20 тысяч убитых и раненых. Потери русских войск составили более шести тысяч человек¹⁰².

После этого японцы развернули сапёрные работы. Линия обороны русских войск была окружена сплошными траншеями, от которых в сторону противника отходили зигзагообразные ответвления («сапы»). Потом они постепенно сливались в новую линию. Так, «тихой сапой», японцы приближались к русским фортам и редутам. Это имело целью уменьшить открытое пространство, которое должна была преодолеть пехота перед атакуемыми позициями. Работы велись по ночам — днём русская артиллерия энергично им препятствовала. В некоторых местах окопы сблизились до десяти шагов, а бывало и так, что японцы и русские сидели в одном окопе, разделённом перемычкой. Тогда завязывалась беседа, обычно на русском языке, которому японцы охотно и быстро учились. Диалог начинался с взаимных призывов сложить оружие, а потом переходил на бытовые темы. Ни та, ни другая сторона не пытались прервать разговор швырянием бомбочек. Чувствовалась уже общая усталость от войны.

Позднее, в конце лета и осенью, это чувство стало ещё сильнее. Японцам теперь уже не казалось позорным сдаваться в плен. «Перевяжешь иногда в поле японца, — рассказывал русский военный врач, — а он потом спрашивает жестами, куда ему идти: в Артур или к своим? Ну я ему, понятно, и показываю жестами — иди, куда хочешь, так как сам я в плен не забираю. Некоторые, бывало, махнут рукой и идут в Артур».

Поздно осенью были отмечены небывалые в японской армии случаи — отказы идти в атаку целых подразделений¹⁰³.

Артур бомбардировался почти весь август, зона обстрела всё более расширялась. Начали стрелять и по ночам. В городе спешно сооружались подземные блиндажи и убежища. Первым подал пример командир порта контр-адмирал И. К. Григорович. Для него был сооружён персональный блиндаж, из которого он, как утверждали злые языки, выходил не слишком часто. Григорович был выдвинут Макаровым, но это выдвижение многим казалось не очень удачным. В Артуре Григорович постоянно с кем-то ссорился. После подрыва «Севастополя» он обвинил Эссена в неумении управлять кораблём, и они остались в натянутых отношениях на всю жизнь¹⁰⁴. Однако Колчак Григоровичу явно нравился, у них сложились ровные отношения, которые продолжались и позднее.

На рынке дорожали и исчезали продукты. Сначала исчезла рыба, потому что Стессель велел пробить днища у всех китайских лодок, чтобы искоренить шпионство. Потом не стало овощей. Подорожали яйца, молоко и особенно мясо. Началось поедание собак. «Собакамясо!» — кричали на

рынке китайские торговцы. С осени стала распространяться цинга¹⁰⁵.

Вскоре после возвращения в Порт-Артур командующий эскадрой князь Ухтомский созвал совещание флагманов и капитанов. Встал вопрос, делать ли новую попытку прорыва или отдать все силы обороне крепости. Большинство высказалось против попыток прорыва не только эскадры в целом, но и отдельных кораблей. Возражал лишь Эссен. Он считал, что суда далеко не выведены из строя и после исправления снова могут идти в бой. Ему возражали: «Ну выйдем, нас разобьют, а мы ничего не сделаем, только погубим нашу эскадру». Эссен отвечал, что не бывает того, чтобы «обе стороны не потерпели», неприятель всегда терпит, только скрывает свои потери; задача же эскадры максимально ослабить японский флот и осложнить его положение перед встречей со 2-й Тихоокеанской эскадрой.

Страсти, видимо, разгорелись не на шутку, если Ухтомский в запальчивости сказал Эссену: «У Вас слишком много прыти, Вам не броненосцем командовать, а миноносцем». Эссен позднее с горечью писал жене: «Мне с адмиралами своими пришлось немало повоевать: это хуже японцев — враги внутренние»¹⁰⁶.

После этого совещания началось быстрое разоружение кораблей и формирование морских десантов, посылаемых в самые опасные места сухопутной обороны. 24 августа был получен приказ о присвоении звания контр-адмирала командиру крейсера «Баян» Р. Н. Вирену и назначении его начальником порт-артурского отряда броненосцев и крейсеров (так стала называться порт-артурская эскадра). Князь Ухтомский остался не у дел и поселился на госпитальном судне¹⁰⁷.

Высшее военно-морское начальство, видимо, возлагало на Вирена большие надежды, зная его как боевого командира. Но он решительно придерживался того мнения, что флот должен до конца защищать крепость и разделить её судьбу. «...Вирен, — писал о нём Тимирёв, — энергичный и храбрый командир, но слишком вспыльчивый и резкий; превосходный исполнитель, но (по-моему) недостаточно умён для самостоятельной роли». Примерно так же отзывался о нём Эссен: «Хотя и храбрый офицер, но, по-моему, недалёк»¹⁰⁸. Так что смена руководства не внесла перемен в судьбу порт-артурской эскадры.

Тем временем Колчак продолжал свою ежедневную, малозаметную ратную работу. Под его командой «Сердитый» тралил внешний рейд, дежурил в проходе, участвовал в обстреле неприятельских позиций, в постановке мин. По-видимому, Колчак, как в своё время командир «Амура» Ива-

нов, облюбовал место, где ему хотелось поставить минную банку. В ночь на 24 августа «Сердитый» вышел в море для постановки мин, но наткнулся на три японских миноносца и вернулся, не сделав дела. На следующую ночь Колчак вновь вышел в море и на этот раз без помех поставил 16 мин в 20,5 мили от входа в гавань¹⁰⁹.

27 августа, к удивлению многих, ни один японский снаряд не разорвался в городе. Затишье продолжалось вплоть до первых чисел сентября. Все вздохнули с облегчением. Поползли слухи, что ввиду больших потерь японцы снимают осаду¹¹⁰.

* * *

15 июня 1904 года крейсер «Громобой», из Владивостокского отряда крейсеров, потопил в открытом море японский военный транспорт «Хитачи-Мару», направлявшийся к Порт-Артуру. Кроме команды, потонуло более тысячи солдат и офицеров, а также 18 осадных гаубиц калибра 11 дюймов (280 миллиметров)¹¹¹. Вместо потонувших подкреплений армия Ноги вскоре получила новые, а с гаубицами произошла задержка, и это на несколько месяцев продлило жизнь Порт-Артуру и запертой в гавани эскадре.

Гаубица — орудие для навесной стрельбы по укрытым целям. Благодаря тому что гаубица может стрелять, очень высоко задрав жерло, её можно поместить в укрытие, недоступное для настільного артиллерийского огня. В военно-технических условиях начала XX века гаубицу могла поразить только гаубица. Морские суда не использовали гаубиц, а в распоряжении осадной армии их было очень немного, снарядов же к ним имелось очень ограниченное количество. Это и решило судьбу Порт-Артура и эскадры.

6 сентября японцы начали второй штурм Порт-Артура. Их удары были направлены против редутов Водопроводного и Кумирненского, они стремились также захватить горы Длинную и Высокую. Три первые точки обороны были захвачены, а на Высокой японцы укрепились в части окопа на вершине. Однако в ночь на 10 сентября в результате смелой атаки лейтенанта Н. Л. Подгурского они были оттуда выбиты¹¹². Высокую на этот раз удалось отстоять.

Тем временем шло оборудование позиций 11-дюймовых гаубиц, прибывших в сентябре из Японии. Их устанавливали за сопками, в специально оборудованных углублениях. В дальнейшем особый вред причиняли гаубицы, установленные за горой Панлуншань, потерянной во время первого штурма в августе.

С середины сентября 11-дюймовые гаубицы вступили в действие. Японская военная техника не была безупречной, и значительная часть снарядов не рвалась. Но разорвавшиеся снаряды причиняли огромные разрушения. Попадая в корабли (при вертикальном полёте), они пробивали три стальные палубы, а в казематах — все бетонные перекрытия вплоть до нижнего этажа. В каменистом грунте снаряд зарывался на три метра в глубину. Превратить в Старом городе китайскую фанзу в кучу мусора мог снаряд и меньшего калибра. Но теперь сносилась чуть ли не полквартала.

Участились попадания в суда, стоявшие в гавани. Поэтому с 19 сентября канонерские лодки и миноносцы были переведены на бессменное дежурство у входа на внешний рейд. Изредка выходили ставить мины. Так, в ночь на 23 сентября вышел с этой целью в море «Сердитый», но из-за крупной зыби должен был вернуться, не выполнив задания. 28 сентября группа миноносцев, в том числе «Сердитый», вновь вышла в море и поставила мины под огнём японских крейсеров.

12 октября «Сердитый» вышел на внешний рейд для осмотра берегов бухты Тахэ, занятых неприятелем. На борту миноносца были генерал Кондратенко, адмирал Вирен и комендант крепости генерал Смирнов¹¹³. О чём совещались руководители обороны, Колчак, конечно, не знал, но боевое задание он выполнил безукоризненно. Иногда японцы начинали обстреливать то место у входа в гавань, где стояли миноносцы. Тогда приходилось выходить на внешний рейд. Служба на миноносце стала совсем однообразной. Когда стояли на обычном месте, Колчак мог видеть пожары в городе, поднимающиеся к небу клубы дыма, а далее, в горах, — маленькие огоньки, вспыхивающие и быстро гаснущие. Это рвались снаряды на передовых позициях. И Колчак, наверно, думал, что снова он не в гуще событий, не там, где решается судьба битвы, не там, где он должен быть. И он подал рапорт с просьбой перевести его на сухопутный фронт, где уже воевали многие его друзья. Колчак командовал «Сердитым» до 18 октября, а затем поступил в распоряжение командира Порт-Артурского порта контр-адмирала Григоревича для назначения на сухопутные позиции.

Кровавая жатва

4 ноября было солнечно, с небольшим морозом. Прошедший накануне снег прикрыв в Старом городе мусорные кучи на месте домов. При свете заходящего солнца они

окрашивались в розоватые цвета. Время от времени со свистом пролетали снаряды и ухали взрывы. Пройдя через притихший и сильно опустевший город (население Порт-Артура сократилось более чем вчетверо, особенно много уехало китайцев), Колчак поднялся в горы, на правый фланг обороны. Уже поздно вечером он разыскал Скалистую гору, где размещалось несколько артиллерийских батарей и куда он был назначен.

С первого же взгляда можно было заметить, что матросы и офицеры на сухопутных позициях имели далеко не флотский вид. Чёрные морские бушлаты, фуражки и бескозырки мало подходили к заснеженной местности, зимнему холоду и ледяному ветру. И вот на многих появились солдатские шинели, полушубки, папахи.

«Сегодня я перешёл на береговые позиции, покончив дело с флотом или, вернее, с эскадрой» — так начинается первая запись в порт-артурском дневнике Колчака, сделанная в блиндаже Скалистой импани¹⁴. Импань — это комплекс китайских казарм, обнесённый глинобитной стеной. А блиндаж представлял собой низкий подвал с бревенчатыми стенами, потолком и стойками. Пол — земляной. По стенам — нары, посредине — грубо сколоченный стол. Несколько свечей в бутылках освещали это убогое помещение, а согревалось оно маленьким камельком.

Прежде Колчака здесь поселились два офицера. Старший — лейтенант Александр Хоменко, бывший командир «Скорого», в паре с которым «Сердитый» не раз тащил трал и ходил на другие задания. Младший — 24-летний мичман Г. П. Круссер.

Наутро Колчак пошёл осматривать орудия на своём участке.

Артиллерийская позиция, на которой оказался Колчак, носила название «Вооружённый сектор Скалистых гор». Общее командование им осуществлял Хоменко. С фронта эта позиция прикрывалась Залитерной батареей, Большим Орлиным гнездом и линией передовых окопов. На вершине горы разместилась батарея из десяти 75-миллиметровых орудий под командой Круссера. Она обстреливала ближайшие тылы японцев, в том числе железную дорогу, которую они провели по периметру своих позиций.

Хозяйство самого Колчака оказалось сильно разбросанным. Две небольшие батареи из 47-миллиметровых пушек были поставлены на случай прорыва японских войск сквозь линию укреплений и фактически не использовались. На склоне небольшой горы стояло 120-миллиметровое орудие,

которое вело перекидную стрельбу за линию сопков по определённым квадратам, а также по видимым удалённым целям. И наконец, недалеко от батареи Круссера стояла очень активно действующая батарея из двух 47-мм и двух 37-мм пушек. Она могла вести огонь по японским окопам, которые медленно, но верно вползали на гласис (земляную пологую насыпь) перед укреплением № 3 и приближались к форту № 3. Расстояние от Скалистых гор до укрепления № 3 составляло 800 сажень (1,7 километра).

Первый обход показал Колчаку, что 120-мм орудие хорошо прикрыто и японцам трудно его достать. А вот батареечка из четырёх орудий защищена плохо: брустверы не закрывают пушек, ненадёжны прикрытия от шрапнели¹¹⁵. В течение нескольких дней Колчак работал в основном на этой батареечке. Под его руководством матросы укрепляли бруствер и углубляли ходы сообщений. Велась также пристрелка по японским окопам. Снаряды из колчаковской батареи летели над несколькими передовыми батареями, а также и над штабом командующего фронтом генерала В. Н. Горбатовского. В случае недолёта можно было ударить по своим. На третий день после вступления в должность Колчак начал ставить на пушки ограничители, предотвращающие недолёты. Но именно в этот день, 7 ноября, японцы начали стрелять по Скалистым горам 75-мм снарядами. Осколки летели со всех сторон, и Колчак приказал матросам уйти в блиндаж, но ограничители всё-таки поставил.

В это же время неприятель начал обстреливать тяжёлыми снарядами укрепление № 3 и форт № 3. В 4 часа дня сильнейший ружейный и пулемётный огонь возвестил о том, что японцы двинулись на штурм этих позиций. В дневнике Колчака красочно описан этот первый сухопутный бой, в котором он участвовал:

«В пятом часу открыли огонь почти все японские и наши батареи; броненосцы стреляли 12-дюймовыми по Кумирненскому редуту. Через 10 минут сумасшедшего огня, сливавшегося в один сплошной гул и треск, все окрестности заволочились буроватым дымом, среди которого совершенно не видны огни выстрелов и взрывания снарядов, разобрать ничего было нельзя; ...среди тумана поднимается облако чёрного, бурого и белого цветов, в воздухе сверкают огоньки и белеют шарообразные клубы шрапнелей; корректировать выстрелы невозможно. Солнце тусклым от тумана блином зашло за горы, и дикая стрельба стала стихать. С моей батареечки сделали по окопам около 121 выстрела»¹¹⁶. В этот день японцы прорвались до бруствера форта № 3, но были отброшены.

Потерпев неудачу, японцы возобновили сапёрные работы, всё ближе подбираясь к укреплениям. По просьбе сухопутного начальства Колчак приказал своим артиллеристам вести ночью редкий огонь (по одному выстрелу каждые полчаса) по японским окопам у укрепления № 3.

На несколько дней наступило затишье. Колчаковская батарея была усилена двумя старыми пушками, снятыми с лёгкого крейсера «Разбойник». Одна из этих пушек усилила огонь по японским позициям вблизи укрепления и форта № 3. 12 ноября на Скалистую гору приезжали генералы А. В. Фок и В. Н. Никитин (артиллерист). Осмотрели батарею 47-мм и 37-мм орудий и высказали сожаление, что не поставили её раньше: тогда вряд ли японцы подвели бы свои окопы на гласис укрепления № 3. Генералы уехали, а Колчак в бинокль наблюдал большое движение обозов и людей в направлении к Артуру. «Судя по всему, можно скоро ожидать штурма», — записал он в дневнике¹¹⁷.

На следующий день с раннего утра неприятель открыл огонь из тяжёлых гаубиц по фортам № 2 и 3. Затем подключились другие орудия, и к 10 часам утра, как отмечал Колчак, обстрел противника «дошёл до полной силы огня всей осадной артиллерии». Через полчаса начался штурм, и японская артиллерия перенесла огонь на вторую линию обороны. Японские снаряды попадали в большом количестве и на Скалистую гору, но, как записано в дневнике, «без особого эффекта».

С начала боя Колчак вёл огонь из 120-мм орудия по перевалу, где наблюдалось движение войск, а затем сосредоточился на укрытиях японских войск перед фортом № 3 и укреплением № 3. Туда же стреляли соседние батареи. На тыловые японские позиции обрушился огонь броненосцев. Вслушиваясь в отдельные партии этого адского оркестра, Колчак уловил, что ружейный огонь был сильнее с нашей стороны. Своим огнём в этом бою он остался доволен. «Наша прислуга у орудий действовала хорошо — я лично сдерживал их стрельбу».

Через десять минут после начала полномасштабной артиллерийской дуэли всё снова потонуло в облаках пыли и дыма. Корректировать стрельбу стало почти невозможно, приходилось стрелять по прежней наводке или наугад. В течение дня огонь то ослабевал, то усиливался. К заходу солнца всё стихло, но часа через два вновь послышалась сильнейшая перестрелка у форта и укрепления № 3 и у Курганной батареи. Колчак усилил огонь по окопам, но скоро всё стало стихать¹¹⁸.

Находясь на батарее, Колчак не мог знать всей картины боя. Из других источников можно узнать, что в этот день японское командование бросило на штурм укреплений правого фланга две дивизии. В середине дня, в разгар штурма, японцам удалось занять ряд передовых окопов у некоторых укреплений, но вскоре они были оттуда выбиты. В 9 часов вечера японцы прорвались между фортами и атаковали Курганную батарею, даже ворвались туда, но были остановлены и оттеснены. Затем во фланг им ударил морской десант, и остатки прорвавшегося отряда были отброшены¹¹⁹.

Общие потери японцев в этот день неудавшегося штурма, по подсчётам иностранных корреспондентов, составили около 12 тысяч человек (точных данных нет, потому что японцы всегда скрывали свои потери и вообще вели учёт только раненых). Особенно большие потери они понесли у Курганной батареи. Наутро там обнаружили 780 японских трупов. «В данном случае японские генералы и вся армия совсем потеряли голову, — писал о ночном бое английский корреспондент Э. Ашмед-Бартлет. — Они действовали, как зарвавшиеся игроки, которые, проиграв почти всё своё состояние, рискуя последней копеей, решаются на отчаянную ставку в надежде отыграться»¹²⁰.

На следующий день с наблюдательного пункта Колчак видел, как с японских передовых позиций в тыл уходило множество повозок с ранеными. Все знали, что японцы злоупотребляют знаком Красного Креста, что в санитарных повозках они подвозят боеприпасы, а на носилках проносят их в окопы. Тем не менее русские артиллеристы не стреляли ни в повозки с Красным Крестом, ни в людей с носилками¹²¹.

В этот день, 14 ноября, японцы ещё пытались штурмовать форт и укрепление № 3, а на следующий день на правом фланге наступило затишье. Пройдя на самую боевую свою батарею, Колчак обнаружил её в «печальном виде». Вследствие усиленной стрельбы осыпались брустверы, покосились платформы, повредились ограничители. На эту же батарею подвезли ещё одну пушку, и весь день ушёл на установку нового орудия и исправление повреждений. Брустверы заново обложили мешками с землёй. (За недостатком нужного материала присылали мешки, сшитые из голландского полотна, бархатных скатертей, плотного шёлка — остатки бывлой порт-артурской роскоши и мишуры.) Между тем с наблюдательного пункта было видно, как от японских окопов всё ещё уходят повозки с ранеными, а гора Высокая

на левом фланге окутывается облаками взрывов от тяжёлых снарядов и на ней поминутно рвётся шрапнель: «по-видимому, идёт подготовка к штурму»¹²².

Действительно, сразу после неудачи 13 ноября японцы начали форсированную подготовку штурма на левом фланге, прежде всего — Высокой горы. Хотя сапёрные работы там ещё не были окончены, а потому надо было ожидать больших потерь. Японские генералы и в самом деле были похожи на азартных игроков. Для генерала Ноги особенно неприятно было то, что начальник штаба главнокомандующего маршала Оямы генерал Кодама и генерал Фукушима приехали к Порт-Артуру накануне 13 ноября и были свидетелями его конфуза. Генералы из Ставки торопили, а Ноги и сам жаждал скорейшего реванша¹²³.

Штурм Высокой горы начался 15 ноября и продолжался неделю. Поднимающиеся колонны японцев наткнулись на плотный артиллерийский и ружейный огонь, откатывались назад, оставляя горы трупов, а потом Высокая опять тонула в облаках дыма.

Кондратенко стягивал к Высокой все резервы, но перебросить их на гору стоило огромных потерь. Если переброска совершалась днём, то пополнение теряло до половины своего состава. Принять раненых с горы тоже было трудно-разрешимой проблемой. «В бинокль ясно видны отдельные люди, — описывая свои впечатления один штабной офицер, — видно, как бегом тащат патронные ящики, как подбирают и несут раненых; видно, как бежит, бежит солдатик, да вдруг закачается, вскинет руки и упадёт; видно, как санитары, застигнутые пулей или осколком, падают вместе с раненым, которого уже несли на носилках, и этот несчастный катится по крутому склону прямо в овраг, под гору»¹²⁴.

Колчак попытался отвлечь на себя огонь одной батареи средних орудий. Но 120-мм пушка, из которой он начал по ней стрелять, была сильно расстреляна, и снаряды ложились не в цель. Вообще эта пушка доставляла Колчаку много огорчений. С наблюдательного пункта можно было видеть, как броненосцы пытались подавить батареи 11-дюймовых орудий. Колчак с сожалением отмечал в дневнике: «...Видимо, достать их настильными выстрелами нельзя: надо навесную стрельбу»¹²⁵.

Под вечер 17 ноября японским пехотинцам удалось зацепиться в окопе почти под самой вершиной. Но вскоре их изгнала оттуда собственная их артиллерия, которая начала гвоздить по окопу 11-дюймовыми снарядами¹²⁶. В данном случае произошла явная ошибка. Но Колчак неоднократно

отмечал размашистые действия японской артиллерии, которая не стеснялась задеть и своих¹²⁷.

19 ноября через парламентёров договорились о перемирии для уборки трупов. Солдаты с обеих сторон, в основном из крестьян, собирали кровавый урожай со склонов Высокой и с других порт-артурских сопок. Иностранные журналисты в этот день получили возможность побывать на притихших полях сражений. В открытых глазах мёртвых японских юношей их поразило застывшее выражение любопытства и удивления. Генерал Ноги часто бросал в атаку свежие части, из новобранцев, ещё не познавших, что такое настоящая война, и бесстрашных по своей неопытности.

Японцы долго разыскивали тело какого-то офицера. Оказалось, что накануне был убит сын Ноги, служивший в штабе одной из дивизий. Это был второй его сын, павший под Порт-Артуром. Первый сын, командир роты, погиб на дальних подступах к крепости¹²⁸.

В тот же день, на закате солнца, японцы вновь начали стрелять по Высокой. Наутро был штурм, который удалось отбить, но японцы закрепились на Высокой недалеко от вершины.

22 ноября, в ясный день с лёгким морозом, после яростной бомбардировки Высокой горы развернулся бой на её вершине. К вечеру японцы завладели вершиной. Попытки сбросить их оттуда оказались безуспешны. В одной из таких атак был ранен в грудь навзлет мичман Б. А. Вилькицкий, сын известного полярного исследователя генерала А. И. Вилькицкого¹²⁹.

В тот же день, ещё до окончания боёв на вершине, Колчак заметил огромное облако бурого дыма, поднявшееся за Перепелиной горой. Как оказалось, взорвался пороховой погреб на «Полтаве». После этого броненосец затонул в бассейне по верхнюю палубу¹³⁰. Видимо, на Высокой у японцев появился корректировщик ещё до полного взятия вершины. Японское командование, опасаясь, что корабли уйдут из гавани, поспешило начать их расстрел.

С утра 23 ноября на внутренний рейд и порт обрушилась вся мощь тяжёлой японской артиллерии. Около броненосцев вырастали столбы воды высотой до пяти метров. Когда же снаряд попадал в судно или в берег, поднималось облако белого дыма. Почти все суда в этот день сильно пострадали, но затонул лишь «Ретвизан»¹³¹.

Вечером в городе и с батареей были видны огромные костры на вершине Высокой. Говорили, что японцы жгут трупы своих солдат. Но жители воспринимали эту мрачную иллюминацию как предвестник окончательной гибели города.

День 24 ноября был облачный, мгlistый, с морозом и редким снегом. В этот день сели на дно «Победа», «Пересвет» и «Паллада»¹³². Затонувшие корабли спустили флаги. Наверно, в течение всей осады ничто не действовало на артурцев так угнетающе, как вид этих беспомощных гигантов, согнанных, как стадо, в тесную гавань и безнаказанно расстреливаемых.

В этот же день Колчак побывал на Большом Орлином Гнезде. Поднявшись на самую его вершину, оглядел открывшееся пространство, пересечённое ходами сообщения, брустверами с мешками, окопами и казавшееся безжизненным, но скрывавшее тысячи людей. С Большого Орлиного Гнезда Колчак перешёл на Малое, а потом побывал на передовых позициях у форта № 2. «Я задался целью высмотреть оттуда возможное место установки 11-дюймовых пушек, уничтоживших вконец нашу эскадру и составляющих силу, против которой мы не можем бороться...» Самих пушек ни с одной из высот не было видно, виден был только столб дыма от выстрела, и Колчак убедился, что достать их «можно только навесным огнём мортир, для которых у нас осталось мало снарядов».

На следующий день Колчак побывал на укреплении литеры Б и вновь выходил на передовые окопы. Теперь ему удалось более точно рассмотреть, откуда стреляют эти пушки. «Я... могу указать квадрат, — установил, — писал он в дневнике, — и если всадить в него 300 бомб из 11-дюймовых и 9-дюймовых мортир — то, конечно, пушки были бы уничтожены — но мы этого сделать не можем; если бы я увидел пушку, я мог бы корректировать и, вероятно, 15—20 снарядов было бы достаточно, чтобы её подбить». 26 ноября Колчак вместе с Хоменко ходил на батарею Крестовой горы, откуда стреляли из 10-дюймовой пушки по гаубицам у горы Сахарная Голова. Видимо, Колчак хотел поделиться с артиллеристами своими наблюдениями. О чём шёл разговор, он не записал. Отметил лишь, что стрельба по японским гаубицам ведётся, «кажется, безуспешно»¹³³. Действительно, ни одна из них так и не была подбита, хотя некоторые снаряды разорвались в опасной близости. Русским артиллеристам не хватило снарядов для навесной стрельбы и везения.

К 26 ноября почти весь порт-артурский флот был потоплен — за одним исключением. Командир «Севастополя» Н. О. Эссен давно добивался разрешения выйти на внешний рейд. Сразу после потери Высокой Вирен наконец дал разрешение. Трудность, однако, заключалась в громадном недостатке людей и пушек, задействованных на берегу. Ви-

рен и тут сделал уступку: число матросов на корабле было доведено до 200 (вместо 625 по штату), а кроме того, на корабль вернули две пушки среднего калибра. Эссен надеялся прорваться на юг, на соединение с эскадрой З. П. Роже-ственского, вышедшей из Кронштадта, но Вирен запретил уходить в море¹³⁴.

Ночь с 25 на 26 ноября была тёмной. Теперь, после разгрома эскадры, японцы не очень бдительно стерегли Порт-Артур с моря. «Севастополь» вышел на внешний рейд, прошёл вдоль Лаотешаня и бросил якорь в бухте Белый Волк, где уже стояли канонерская лодка «Отважный» и уцелевшие миноносцы. Путь был открыт на все стороны, и только категорический приказ адмирала заставил Эссена остаться у Белого Волка¹³⁵.

Наутро неприятель начал ожесточённо обстреливать тяжёлыми снарядами то место в бассейне, где прежде стоял «Севастополь», а он тем временем занимался постановкой сетевого заграждения от мин. Японцы обнаружили его в тот же день, и гаубицы с Панлуншаня пытались его достать, но безуспешно. После этого «Севастополем» занялись японские миноносцы. Четыре ночи подряд он отражал их яростные атаки. Несколько миноносцев было потоплено. И только в ночь со 2 на 3 декабря двум японским миноносцам удалось зайти со стороны берега и выпустить мины в корму «Севастополя», где не было сетей. От полученной пробоины броненосец сел глубже в воду и во время отлива стал касаться грунта. После этого ночные атаки прекратились. Японцы начали устанавливать 11-дюймовую гаубицу специально для «Севастополя», но не успели закончить работу до конца обороны Порт-Артура¹³⁶.

В ночь с 29 на 30 ноября близ Порт-Артура подорвался на mine японский крейсер «Такасаго». Через 23 минуты он затонул. Вызванный по радио другой японский крейсер во мраке бурной и метельной ночи сумел спасти 11 офицеров и 151 члена команды. Погибло 23 офицера и кондуктора и 251 человек команды. В русском морском штабе стали разбираться по картам, откуда там мины, и оказалось, что их поставил лейтенант Колчак на миноносце «Сердитый» в ночь с 26 на 27 августа¹³⁷.

В другое время такой успех, едва ли не второй по значению после потопления двух броненосцев, стал бы главной темой разговоров и воодушевил бы порт-артурцев. Теперь же, на фоне ужасающего разгрома эскадры, на гибель японского крейсера никто не обратил внимания. Колчаку не повезло второй раз: его успех заслонился другим событием, бо-

лее крупным и горестным. В дневнике Колчака ничего не говорится о потоплении «Такасаго». Похоже, он не знал об этом до конца осады. Но потом он очень гордился этой удачей, упомянул о ней и в автобиографии 1918 года, и на допросе в Иркутске¹³⁸.

Утром 1 декабря Колчак отправился в город за покупками и прошёл в порт. «Я первый раз был там после погрома нашей эскадры, — записал он в дневнике, — я никогда не видел более тяжёлой картины, чем эти четыре броненосца и два крейсера. [Они] лежали полузатопленные, под креном на дне Артурского порта. “Полтава” лежит прямо, затопленная в полную воду по верхнюю палубу. “Ретвизан” с креном на левый борт и с кормой, засаженной по башню; “Пересвет” с развороченными трубами стоит прямо, с затопленной по башню кормой. “Победа” под большим креном на правый борт и затопленной кормой, рядом с нею, накренившись, и затонувшая “Паллада”; в Остовом [в Восточном] бассейне у стоянки лежит, накренившись, и затопленный “Баян”. В суда попало от 20 до 30 11-дюймовых бомб, разворотивших все внутренние помещения и причинивших огромные пробоины. Когда всё это будет отмщено. Нет слов, чтобы говорить об этом более»¹³⁹.

Жизнь в Порт-Артуре стала тяжела и опасна. К снарядам, правда, уже привыкли, с передовых позиций, случалось, залетали и пули. Но теперь с Высокой начали стрелять прицельным огнём: шрапнелью по группам, а по одиночным проходим — из ружья или пулемёта. Под обстрел попадали и госпитали, и тогда больные и искалеченные люди, кто как мог, выбегали или выползали на улицу, в одних рубашках на холод и ветер. Некоторые, говорят, тут же и замерзали¹⁴⁰.

В начале декабря Стессель направил к Ноги представителя Российского Красного Креста камергера И. П. Балашова с поручением договориться о мерах, предупреждающих поражение госпиталей. Японцы отвечали, что они уважают международные договоры относительно госпиталей, но орудия на позициях от долгой и частой стрельбы сильно расстреляны, отчего изменяется дальность полёта снарядов. К тому же было замечено, что из зданий под флагом Красного Креста иногда выбегают люди отнюдь не в больничной одежде. В ответ на это им сказали, что в порт-артурских госпиталях давно закончились запасы больничного белья, и раненые лежат в той одежде, в которой их привезли¹⁴¹.

Из всех жителей России портартурцы, наверно, первыми узнали, что такое безудержный рост цен. В декабре в Порт-Артуре курица стоила 35 рублей, яйцо — 1 рубль, фунт кар-

тофеля — 2 рубля¹⁴². По тем временам это были дикие цены. Страшно вздорожал чеснок — первое средство против цинги.

Из всех болезней, ходивших по городу (холера, дизентерия, тиф), цинга собрала самую большую жатву. Особенно, наверное, среди моряков, которые ели ту самую архангельскую солонину, которая сгубила не одну сотню полярников. Врач, приехавший к Колчаку на батарею, обнаружил цингу у четверти личного состава¹⁴³. Смерть в госпитале от болезни считалась страшнее, чем в бою. В ноябре в одном из порт-артурских госпиталей умер от болезни товарищ Колчака по выпуску, лейтенант Анатолий Постельников. От раны умер другой его однокурсник — Михаил Лавров.

Каждый день двуколки с убитыми и умершими тянулись по городу по направлению к кладбищу близ бухты Белый Волк. «Новый край» изо дня в день печатал объявления об аукционной продаже имущества убитых и умерших офицеров.

И всё же, несмотря на все страдания, город как-то умудрялся жить повседневной жизнью — с происшествиями невоенного характера, слухами, сплетнями. Ещё летом предметом обывательского интереса стала драма в семье некоего отставного полковника, который во время ссоры застрелил свою дочь. Суд над ним состоялся в жуткие дни после падения Высокой. Присутствовало много публики. Несчастный полковник был осуждён на каторгу. Оставалось неясным, как его туда доставить из осаждённой крепости и не является ли пребывание в ней само по себе каторгой.

Как и всякому каторжанину, городу помогала жить надежда. Она одна ещё как-то останавливала пьянство, сильно распространившееся среди горожан после оставления Высокой¹⁴⁴. Даже Колчак, при всём своём недоверии к непроверенным известиям, 26 ноября отметил в дневнике слухи «о взятии нашими войсками Кинчжоу»¹⁴⁵.

«Вот придёт Куропаткин», «Вот придёт Рождественский»... Но шли дни за днями, становилось всё труднее, а никто из них не приходил.

* * *

Во время боёв на Высокой правый фланг почти перестал получать снаряды. Колчак должен был прекратить ночные обстрелы окопов перед укреплением № 3. Воспользовавшись этим, японцы значительно удлинили свои окопы, приблизившись к укреплению, и сложили внушительный бруствер из мешков. «Мы не можем при имеемом числе их [снарядов] ни стрелять и отвечать японцам, ни мешать их

земляным работам, тут нужны сотни снарядов, а мы располагаем десятками и единицами», — записал Колчак в дневнике 24 ноября¹⁴⁶.

Потом снаряды начали подвозить, и Колчак возобновил ночной обстрел вражеских окопов. Желая поджечь мешки на неприятельских брустверах, он подкладывал в снаряды вату, пропитанную керосином.

За линией фронта наблюдалось оживлённое движение войск и обозов. Японцы готовили новый удар, и офицеры спорили, куда он будет направлен. Кое-кто говорил, что японцы собираются развить наступление на левом фланге. Колчак, однако, считал, что удар будет направлен в центр и на правый фланг. 30 ноября на Скалистую гору приезжал Стессель. В разговоре с офицерами он обронил фразу, что под Артуром стоит не более 12 тысяч японцев. Колчак недоумевал: как же так, когда тысячи их полегли на правом фланге и на Высокой, а меньше их вроде не стало?¹⁴⁷

Генерал Кондратенко тоже считал, что следующий удар будет по правому флангу. По его распоряжению спешно чинились форты и укрепления на этом фланге, устанавливались новые орудия на батареях, подходили подкрепления из последних резервов.

Кондратенко был подлинным гением обороны. Он вёл её ловко, цепко, изобретательно. Потеряв позицию, он тотчас же, по горячим следам, стремился её вернуть. Если это не получалось, закреплялся на другой, создавая противнику препятствия, казалось бы, из ничего: спешно сделанное и плохо оборудованное укрепление в его руках превращалось чуть ли не в неприступную твердыню. И всё это — в ходе ежедневной кропотливой работы, личного осмотра позиций, бесед с офицерами и солдатами, которые его любили и выделяли среди других начальников. Генерал не произносил «исторических фраз», держался скромно, но сами обстоятельства сделали его фактическим руководителем обороны Порт-Артура.

После ноябрьских боёв генерал похудел, осунулся, ходил молчаливый и грустный. Конечно, он понимал, что дни Артура сочтены. Но надеялся поставить перед японцами ещё ряд тяжёлых проблем. «Очень бы мне хотелось видеть, — говорил он, — чтобы крепость продержалась до будущего года, чтобы не причинить горя России и государю к предстоящим праздникам, авось это и сбудется»¹⁴⁸.

Вечером 2 декабря Кондратенко приехал на форт № 2, чтобы осмотреть только что заделанную цементом громадную пробоину в крыше. Генерал был убит, когда в каземате

форта разорвался тяжёлый снаряд, пробивший то самое отремонтированное место¹⁴⁹. Для защитников крепости это была самая тяжёлая утрата после гибели Макарова. «...Потеря Кондратенко — незаменима — это был самый выдающийся защитник Артура», — записано в дневнике Колчака¹⁵⁰.

5 декабря японцы начали наступление на форт № 2, взорвав мину, подведённую под его бруствер. Дальше бруствера им продвинуться не удалось. Но форт был наполовину разрушен, защищать его было трудно, и генерал Фок, заменивший Кондратенко на посту начальника сухопутной обороны, приказал ночью его оставить.

Следующие десять дней прошли в ставших уже привычными артиллерийских обстрелах города, порта и укреплений, оставшихся в руках защитников. Всё чаще и сильнее обстреливалась Скалистая гора. Благодаря защитным работам, которые Колчак провёл в редкие дни затишья, потери от артиллерийского огня были небольшие. Но с передовых позиций стали залетать пули. Дорога же, проходившая мимо Скалистой горы в город, теперь постоянно обстреливалась. Японцы, видимо, поставили пушку специально для этой цели. Она стреляла по всему, что двигалось, в том числе и по одиночным людям.

В эти дни Колчак заметил, что японцы начали обстреливать русские позиции «воздушными минами», которые выпускались из «минных пушек», являвшихся прообразом позднейших миномётов. «Воздушные мины» причиняли значительные разрушения и сеяли вокруг себя смерть вложенными в заряд кусками толстой проволоки и осколками от разорвавшихся снарядов. «Надо отвечать японцам тем же и бросать воздушные мины», — решил Колчак. Он съездил на Тигровый полуостров, чтобы посоветоваться с лейтенантом С. Н. Власевым, который уже сконструировал такую мину, рассчитанную на стрельбу из 75-миллиметровой пушки на колёсном лафете. Надо было найти такую пушку и установить её в подходящем месте. Скалистый кряж для этого не годился по той причине, что расстояние до японских позиций не должно было превышать 400—500 шагов. Договорились о том, что пушка будет установлена на Большом Орлином Гнезде¹⁵¹. Но короткое затишье закончилось, и Колчак должен был оставить это дело.

Утром 15 декабря воздух потряс громадной силы взрыв, разметавший бруствер у форта № 3. Вслед за этим яростный огонь по форту и укреплению № 3 открыли орудия и пулемёты. Форт стал почти невидим. В облаках пыли и дыма мелькали огоньки выстрелов и рвущихся снарядов. Колчак

сосредоточил огонь на окопах у форта и укрепления. К 11 часам штурм был отбит, но в четвёртом часу возобновился, и два батальона японцев утвердились на бруствере. Ночью по приказу Стесселя форт был оставлен. Наутро Колчак уже обстреливал этот форт, который накануне защищал¹⁵².

16 декабря под председательством Стесселя собрался военный совет. Из всех его участников только трое (начальник штаба полковник Рейс, подполковники Гандурин и Дмитревский) высказались за подготовку к капитуляции «на возможно почётных и выгодных условиях». Рейс ссылаясь на то, что основная задача Порт-Артура состояла в том, чтобы «служить убежищем и базой для Тихоокеанского флота». Теперь флота нет, и крепость уже не исполняет этого своего назначения. Она больше не сковывает сколько-нибудь значительных сил противника (вот откуда появились те 12 тысяч, о которых говорил Стессель). «На близость выручки нет никаких указаний». «Очень важно, — подчёркивал Рейс, — не допустить неприятеля после штурма ворваться в город и перенести бой на улицы, так как это может повести к резне, жертвами которой сделаются, кроме мирного населения, ещё 15 тысяч больных и раненых». (Рейс намекал на печальные события, завершившие первую осаду Порт-Артура во время Японо-китайской войны.)

Ему возражали, что «после ряда грандиозных штурмов неприятель отказался от них и стал вести правильную осаду». Правильную, но медленную, иногда слишком медленную, как говорил генерал Никитин. Ещё в октябре японцы подошли к некоторым фортам и до сих пор перед ними сидят. Моральный дух осаждающих заметно снизился. На штурм форта № 3 солдат гнали шашками. Крепость имеет в своём распоряжении 10 тысяч штыков, запасы ружейных патронов вполне достаточны. Конечно, противник обладает превосходством в артиллерии, но в основном в крупном калибре. Можно обороняться противострелковыми орудиями. Снаряды к ним есть. Продовольствие тоже пока есть. Недавно в Артур проскочил английский пароход с мукой. Так что надо защищаться. Правда, как говорили некоторые участники военного совета, надо сократить линию обороны. Сейчас она, слишком длинная и изломанная, не соответствует численности обороняющихся. (Среди офицеров ходила мысль о том, что со временем придётся отдать весь правый фланг и закрепиться на Золотой горе и Перепелиной, а затем с остатками гарнизона уйти в горы Лаотешаня и держаться там до последнего.)

Присутствовавший на военном совете адмирал Вирен,

командующий потопленным флотом, тоже высказался за продолжение обороны.

Последним должен был изложить своё мнение Фок, как старший по возрасту. Он, как говорили, подготовил к совету особую записку, но, видя настроение большинства, не стал её зачитывать, а дал несколько практических советов и предложений.

Закрывая заседание, Стессель сказал, что надо держать линию обороны, не допуская неприятеля в город, чтобы избежать резни¹⁵³.

18 декабря утром японцы взорвали заложенный под укрепление № 3 огромный заряд. Неприятельская артиллерия сразу же сосредоточила на этом укреплении свой огонь. Начался штурм. Русские батареи начали обстрел атакующих. Тем не менее японцы преодолели обвалившийся бруствер и ворвались в укрепление. Вскоре над ним показался японский флаг. После полудня японцы предприняли атаку на Скалистый кряж, но были отбиты ружейным и артиллерийским огнём. Колчак писал, что его пушки работали «очень натурно», — вели стрельбу прямо по наступающим.

Утро 19 декабря было ясное, тихое. Ночью защитники крепости оставили ещё несколько укреплений, так что линия Скалистых гор, где располагались батареи Колчака, стала передовой¹⁵⁴. Рано утром японцы начали штурм Большого Орлиного Гнезда. Защитники, занимавшие кольцевой окоп на вершине, отбивали одну атаку за другой. После каждой из них следовал ожесточённый артиллерийский обстрел. В середине дня японцам удалось достичь вершины и водрузить там свой флаг. Это стало сигналом для русских батарей, в том числе и со Скалистой горы, открыть огонь по вершине. Защитники, воспользовавшись передышкой, собрались вместе и стремительной атакой сбросили японцев с вершины. Матросами в этом бою командовал лейтенант С. Н. Тимирёв. Японцы возобновили обстрел, один снаряд попал в склад ручных гранат («бомбочек»), произошёл страшный взрыв, который и решил судьбу Большого Орлиного Гнезда¹⁵⁵.

В своё время, ещё в начале осады, русские и иностранные газеты обошла «историческая» фраза Стесселя: «Я умру в последнем рву». К концу осады это желание, видимо, пропало. Сказывалось влияние Рейса, а также, возможно, и супруги, озабоченной спасением имущества. Не исключено, что в этом направлении действовал и Фок, скрытый капитулант.

Ещё 17 декабря, сразу после военного совета, Стессель приказал отправить в Чифу миноносец с полковыми знамё-

нами. А 19 декабря, получив известие о падении Большого Орлиного Гнезда, послал к японцам парламентёров с предложением начать переговоры о капитуляции. Английский военный корреспондент Э. Ашмед-Бартлет писал, что потеря этой позиции дала Стесселю «удобный повод», за который он ухватился «с излишней торопливостью»¹⁵⁶.

Тем временем Фок отправил к командующему Восточным фронтом генералу Горбатовскому записку с приказом оставить ещё ряд позиций, в том числе Малое Орлиное Гнездо. Горбатовский спросил, зачем оставлять эти позиции, когда они ещё держатся. Тогда Фок прислал ему новую записку, требуя выполнить приказание, а записки сжечь¹⁵⁷. Видимо, надо было подкрепить аргументы в пользу капитуляции.

Около семи часов вечера в стусившихся сумерках все увидели ряд коротких и ярких вспышек на Золотой горе. Это был условный сигнал для срочного уничтожения судов, мастерских и всего ценного боевого материала. Вскоре загрохотали заряды, заранее подведённые под затопленные суда. Началась горячка уничтожения. Теперь грохот раздавался уже не только в порту, но и на позициях, где взрывались боеприпасы. Окутанный дымом разрушенный город то с одного конца, то с другого освещался всполохом очередного взрыва. Восточный бассейн превратился в гигантский костёр. Особенно живописно горел «Ретвизан». Огонь выбивался из иллюминаторов, доставал до верхушек труб, разливался по палубе кроваво-жёлтыми волнами, гудел, шипел, свистел. Каждый из горевших кораблей время от времени сотрясался от внутренних взрывов — рвались оставшиеся в погребах боеприпасы. Суда как-то неловко переворачивались и всё более опускались в воду.

Рухнули в одночасье дисциплина и порядок. На улицах перемешались пьяные солдаты, матросы и рабочие. Вспыхивали пьяные драки. Китайцы деловито грабили пустые дома, накладывая добычу на подводы. Людям, всё это наблюдавшим, казалось, что наступил конец света¹⁵⁸. Но это был всего лишь конец Порт-Артура.

Из этого ада удалось благополучно выскочить трём уцелевшим миноносцам, в том числе и «Сердитому». Они укрылись в нейтральных портах. Наутро буксир оттащил «Севастополь» из бухты на большую глубину. Были открыты кингстоны, немногочисленная команда пересела на шлюпку. Эссена удалось уговорить сойти с корабля чуть ли не в последнюю минуту. Броненосец опрокинулся и затонул. Бульканье было столь громким, что его слышали даже в притихшем после ночной вакханалии Порт-Артуре.

Рано утром 20 декабря, когда Колчак и Круссер собирались начать обстрел Орлиного Гнезда, был получен приказ: первыми огня не открывать, стрелять только при наступлении японцев. Когда рассвело, за линией фронта, вплотную подошедшей к Скалистой, на вершинах сопок стало видно множество японцев. Они безбоязненно собирались на самых открытых местах, разглядывали русские позиции в бинокль и без бинокля. Кое-где слышались удары последних взрывов. Город и порт были скрыты в дыму догоравших пожаров¹⁵⁹.

В этот день встретились две делегации для заключения соглашения о капитуляции. Русскую делегацию возглавлял Рейс, уполномоченным от флота был капитан 1-го ранга Э. Н. Щенснович. Никто не подумал включить в делегацию городского голову, а потому о частном имуществе лиц и учреждений при подписании протокола даже не вспомнили. Всё оно потом было захвачено японцами¹⁶⁰.

При встрече японцы передали русским уполномоченным условия капитуляции на английском языке. Было предложено в течение 45 минут изучить их и дать ответ. Пока разбирались с английским текстом, время истекло. Рейс был настроен принимать всё как есть. Тем более что японцы дали понять, что менять они ничего не будут: условия присланы из Токио. «Тут ничего не поделаешь, — сказал Рейс, — ведь они победители». Протокол был подписан.

После войны дело о сдаче Порт-Артура разбирала особая Следственная комиссия. Она пришла к заключению, что Стессель, сдавший крепость в то время, когда она ещё могла защищаться, «тем самым не исполнил своей обязанности по долгу присяги и согласно требованиям воинской чести». Рейс был признан его соучастником. Комиссия предъявила претензии к адмиралам Вирену и Григоровичу, которые не потребовали созвать военный совет, узнав о решении Стесселя сдать крепость, а наоборот, согласились включить в состав делегации Щенсновича, не дав ему чётких указаний. Претензии к Щенсновичу состояли в том, что он «не исполнил точной инструкции у адмиралов относительно даваемого ему тяжкого поручения... и согласился без всякого протеста на предложение полковника Рейса подписать унижительные для достоинства России условия сдачи крепости»¹⁶¹. Согласно протоколу о капитуляции нижние чины армии и флота отправлялись в плен. Офицеры могли возвратиться на родину, дав подписку (японцы переводили это слово как «присяга») о том, что они больше не будут участвовать в военных действиях в настоящей войне. Отказавшиеся дать подписку отправлялись в плен. Гражданские

лица могли выехать на родину через какой-либо нейтральный порт или остаться в Порт-Артуре.

Вся артиллерия, стрелковое оружие, военные сооружения и имущество передавались японцам. Портить и разрушать что-либо запрещалось. Офицерам было разрешено оставить при себе холодное оружие (по прибытии в Японию его отняли). Нижние чины могли взять с собой столько личного имущества, сколько могли унести, младшие офицеры по одному пуду, старшие — по два, генералы и адмиралы — по пять. (Впоследствии младшим офицерам разрешили взять до 60 фунтов веса — 24 килограмма). Это являлось нарушением Гаагской конвенции, которая предусматривала сохранение за военнопленными всего их имущества, кроме оружия и лошадей.

Офицеры засомневались, не противоречит ли требуемая подписка воинской присяге. Японцы согласились предоставить свой телеграф, чтобы сделать запрос на «высочайшее» имя. Вскоре была получена ответная телеграмма:

Генерал-адъютанту Стесселю.

Я разрешаю каждому офицеру воспользоваться предоставленной привилегией возвратиться в Россию, под обязательством не принимать участия в настоящей войне, или разделить участь нижних чинов. Благодарю Вас и храбрый гарнизон за доблестную защиту.

НИКОЛАЙ¹⁶².

Текст поняли по-разному: одни, что можно дать подписку и ехать домой, другие — что лучше разделить участь солдат и матросов.

Вечером 20 декабря Колчак и его товарищи были извещены, что крепость сдалась. Одновременно пришёл приказ ничего больше не взрывать и не портить. Колчак записал в дневнике, что за ночь кое-что всё же уничтожили и испортили, но «взрывов никаких не устраивали»¹⁶³.

21 декабря в городе появились конные и пешие японцы. Очевидно, это были какие-то декоративные подразделения, не участвовавшие в боях. Солдаты и офицеры были аккуратно одеты — короткие меховые шубы, покрытые жёлтым сукном, на ногах — башмаки с застёжками (у пехотинцев) или сапоги (у конных). Рядом с конным офицером бежал его денщик. Русским это показалось необычно и забавно¹⁶⁴.

Насмотревшись на эту красоту, Вирен приказал, чтобы офицеры и матросы явились на сдачу в плен одетыми «по форме». Это было невыполнимо, потому что на позициях одевались не «по форме», а форма у многих стorerла вместе с кораблями. Но Вирен, как говорят, в день сдачи выходил из себя и ругался¹⁶⁵.

Последняя запись в порт-артурском дневнике Колчака сделана 21 декабря. «К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батареях и увёл команду... в город, — писал Колчак. — Ночь тихая, и эта мёртвая тишина как-то кажется чем-то особенным, неестественным»¹⁶⁶. Отточие в предпоследней фразе дневника означает непрочитанное слово. Последние записи сделаны очень неразборчиво. В некоторых словах буквы сливаются в одну линию со слабыми изгибами, как на затухающей кардиограмме. Колчак в эти дни был очень болен и едва держался на ногах. Кроме лёгкого ранения, у него разыгрался суставный ревматизм¹⁶⁷. Не исключено, что начиналась цинга.

22 декабря гарнизон сдавшейся крепости был выведен на сборную площадь. Начался приём пленных, растянувшийся на три или четыре дня. По японским данным, было зарегистрировано более 23 тысяч человек. Из них в боеспособном состоянии находилось не более 15 тысяч. Остальные — легко раненые, выздоравливающие, цинготные (в начальной стадии). Тяжело раненые и больные остались в госпиталях. После капитуляции иностранным корреспондентам удалось, наконец, выудить у японцев данные о численности их армии под Порт-Артуром. По сведениям Э. Ашмед-Бартллета, крепость осаждало 97 тысяч человек, а 20 тысяч находилось в резерве в Дальнем¹⁶⁸. До самого последнего дня Порт-Артур скрывал огромные силы. Откуда взялись у Стесселя данные о 12 тысячах, остаётся неизвестным. Потери японцев под Порт-Артуром составили около 70 тысяч убитыми и ранеными¹⁶⁹. Ноги положил под Порт-Артуром целую армию.

По мере приёма на сборном пункте формировались партии пленных, отправлявшихся в Дальний. У всех, кто прошёл этот путь, остались о нём самые плохие воспоминания. «...Мы целых пять дней тащились пешком до станции железной дороги, ночуя то в грязных китайских хижинах, то в полуразрушенных казармах, в лучшем случае в летних палатках, а команда — прямо под открытым небом, и это при холодном северном ветре и морозе, — писал Н. О. Эссен жене. — Вещи пришлось побросать, так как багаж был ограничен. Не было сделано никакой разницы между стариками-командирами и молодёжью. Пища давалась матросская, есть приходилось по-свински, так как ничего с собой не было... Вообще гадость, мерзость...»¹⁷⁰ Так же, только более подробно, описывает этот 35-верстный переход и Тимирёв.

На железнодорожной станции пленных посадили в товарный поезд и доставили в Дальний, где разместили в недостроенных зданиях женской гимназии и реального учили-

ша. В Артуре требуемую подписку дали 20 процентов офицеров, а в Дальнем, после перехода, число подписавшихся дошло до половины¹⁷¹ (среди них были и некоторые старшие начальники). Но Вирен, Эссен и ряд других высших офицеров флота отказались давать подписку. Из Дальнего пленные переправлялись в Японию, где и происходило отделение подписавшихся от неподписавшихся.

Из всех тех, кто прошёл в те дни крестный путь от Порт-Артура до Дальнего, мало кто, наверно, вновь побывал в этом городе на реке Лунхэ. Городе несбывшейся русской мечты, где должны были сойтись буддийский Восток и христианский Запад. Городе, который должен был стать новым Гонконгом — только в русско-православной трактовке. В развернувшейся борьбе погибло много людей, и шедшие под конвоем порой завидовали своим павшим товарищам. «Мёртвые сраму не имут».

Такова уж жизнь, что благородные дела редко приносят воздаяние. Чаще за них приходится платить горькую цену. Смерть и плен — этим платили под Порт-Артуром русские солдаты, матросы и офицеры за воинскую свою доблесть, за верность долгу, за чужую халатность, за то, что поставили они Порт-Артур в один ряд с Севастополем.

В павшем Порт-Артуре. Возвращение из плена

Колчак не участвовал в печальном походе побеждённой армии. 22 декабря он лёг в госпиталь. Скорее всего, его поместили в один из плавучих госпиталей, которые стояли в бухте. Там, среди кладбища кораблей, он провёл несколько месяцев. Выздоровление приходило медленно. За это время произошло много событий.

30 декабря японцы с почётом проводили из Артура генерала Стесселя, выделив под его имущество 30 подвод. Желая запечатлеться в веках, как Наполеон в Фонтенбло, Стессель протянул руку стоявшему поблизости солдату. Но рука повисла в воздухе — солдат испуганно посмотрел на генерала и отпрянул. «Исторической сцены» не получилось.

В Японии Стесселя ожидал радушный приём. А в России он попал под суд за сдачу крепости. Его приговорили к расстрелу, но в том же приговоре судьи ходатайствовали перед императором о смягчении наказания. А Рейс, главный капитулант, был оправдан за «недоказанностью обвинений». Фок получил выговор¹⁷². Стессель провёл в тюрьме около года, а затем был выпущен по состоянию здоровья.

31 декабря 1904 года генерал Ноги торжественно ввёл в город свои войска. Впереди шли музыканты, за ними верхом — японский штаб во главе с Ноги, далее — пехота со знамёнами¹⁷³.

...В центре современного Токио, недалеко от храма Ясукуни, где, как говорят, покоятся души погибших японских воинов, прохожий может увидеть памятник, который не значится в туристских проспектах. Верхом на мощном коне тяжело восседает толстоватый всадник в мундире, с усами и свирепым взглядом. С высокого постамента снята надпись. Кто-то написал мелом ругательные иероглифы. И только коренной токийский житель может вам объяснить, что это памятник маршалу Ноги Маресуке. Так проходит мирская слава...

Японская военная администрация в Порт-Артуре поставила русских обывателей в невозможное положение. Был установлен продолжительный комендантский час, запретили базарную торговлю и закрыли все столовые и чайные. Китайцам было запрещено говорить по-русски. Японские чиновники ходили по домам и побуждали русских к скорейшему выезду. Дело обставлялось так, что из имущества можно было захватить лишь то, что человек был в силах унести на себе¹⁷⁴.

Рано утром 3 января 1905 года далеко в море послышалось тяжёлое уханье взрывов. Было похоже на канонаду морских орудий. Среди русских обитателей Артура мгновенно разнёсся слух: Рождественский! Но затем наступило обычное разочарование: оказалось, что японцы расчищают море от мин¹⁷⁵.

18 февраля японцы оповестили русских, что они могут собраться к двум часам дня на высоте 203 метра (Высокой горе) для отдания последних почестей павшим её защитникам. Все, кто ещё остался в Артуре и кто мог ходить, потянулись на Высокую.

Утром этого дня русские фельдшеры и санитары ещё продолжали рыть могилы и переносить туда скрюченные и обледенелые тела. В условленное время началось отпевание. Ледяной ветер рвал сизый дым из кадила и уносил в холодную лазурь неба. Казалось, что в лёгком дрожании воздуха уносились на небо и души павших, томившиеся в ожидании этого часа¹⁷⁶.

В январе начался поспешный отвод японской армии из-под Артура. Пехота, артиллерия, сапёрные части — всё направлялось на север, к Мукдену. В Порт-Артуре остался один батальон.

Однажды, ещё до ухода армии Ноги, Колчак случайно разговорился с одним японским офицером-артиллеристом. Оказалось, что он командовал той самой огневой точкой, с которой Колчак перестреливался незадолго до падения Артура. Оба добивались «взаимного искоренения». В дневнике Колчак писал тогда, что в блиндаже недалеко от обстреливаемых им окопов, к крайнему его неудовольствию, поставили 75-миллиметровую пушку со специальной целью подавить его батарею. И Колчак тщательно маскировал и прилаживал одно из орудий, чтобы оно стреляло прямо в амбразуру этого блиндажа. Японец похвалил работу Колчака, и он впоследствии признавался, что это был один из «самых приятных комплиментов», которые ему доводилось слышать¹⁷⁷.

С подходом армии Ноги численность японских войск в Маньчжурии увеличилась примерно на треть. Около трёх недель (с 5 по 25 февраля 1905 года) продолжалось сражение под Мукденом, завершившее сухопутную кампанию. Русская армия едва не попала в мешок. Выход из него был очень тяжёлым. Тем не менее в окружении остались в основном лишь обозы. Русская армия отошла к северу, на Сыпингайские позиции.

Всё яснее вырисовывалась перспектива поражения России в этой войне, и со сцены один за другим уходили те, кто до сих пор делал дальневосточную политику. Ещё в ноябре 1904 года наместник на Дальнем Востоке Алексеев был освобождён от должности главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. После Мукдена был смещён с поста командующего Маньчжурской армией генерал Куропаткин.

25 января в Порт-Артуре появились иностранные газеты, принёсшие вести с родины. В России происходило что-то непонятное. В Петербурге какой-то Гапон собрал много народа и повёл его на Зимний дворец. В народ стреляли. Рабочие начали бастовать. Адмирал З. П. Рожественский, опытный моряк, вышел с эскадрой на помощь Порт-Артуру и у берегов Англии обстрелял рыбацьи баркасы, приняв их за японские миноносцы¹⁷⁸.

В апреле 1905 года, когда Колчак начал уже поправляться, госпиталь эвакуировали в Нагасаки. Больным офицерам предложили лечиться в Японии или же без всяких условий возвращаться в Россию. Все офицеры, в том числе и Колчак, выбрали второе. В конце апреля они выехали из Японии в Канаду¹⁷⁹.

Во время поездки через Американский континент пришли ошеломляющие известия о Цусимском сражении.

* * *

О цусимской катастрофе написано много. Ценнее всего, однако, свидетельства очевидцев. Некоторые рассказы офицеров, прибывших с разгромленной эскадры в японский плен, были обобщены в воспоминаниях С. Н. Тимирёва¹⁸⁰. Ниже приводятся наиболее характерные моменты из этих рассказов, с некоторыми дополнениями из других источников.

Вице-адмирал З. П. Рожественский, как говорили офицеры, был «полновластным и неограниченным» начальником эскадры. Ничьих советов не спрашивал и не слушал, чужими мнениями не интересовался. От командиров требовалось только точное и беспрекословное исполнение его приказов, которые обнимали все стороны жизни эскадры. При этом Рожественский другие суда не посещал и фактически не знал, что на них творится. Вся эскадра, с мельчайшими подробностями, была в его голове, являлась, по существу, его представлением, составлявшимся из рапортов подчинённых. В свои планы командующий никого не посвящал.

Из младших флагманов, как на лучшего, офицеры указывали на контр-адмирала Д. Г. Фелькерзама. Его отряд (броненосцы «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин» и крейсер «Адмирал Нахимов») был в образцовом порядке.

Ни офицеры, ни команда, за малым исключением, не имели боевого опыта. Комендоры плохо знали своё дело, так как за всё время перехода всего лишь дважды проводились учебные стрельбы. Люди были до крайности утомлены и измотаны тяготами длительного плавания и мелочным деспотизмом Рожественского. В момент боя корабли оказались перегруженными углем, водой, боеприпасами и расходными материалами. Вследствие перегрузки корабли сидели ниже в воде.

Эскадра могла обогнуть Японские острова и попытаться пройти к Владивостоку проливом Лаперуза. Тогда сражение произошло бы вблизи Владивостока. Рожественский, однако, пошёл Корейским проливом, и сражение происходило вблизи базовых портов противника.

За три дня до сражения умер Фелькерзам. Его гроб стоял на шканцах броненосца «Ослябя». Считая, что это известие снизит боевой дух, Рожественский не сообщил об этом эскадре. Из-за этого во время боя возникли недоразумения с передачей командования.

Две эскадры сошлись 14 мая 1905 года близ острова Цусима в Корейском проливе. Силы были примерно равны. Но русская эскадра была измотанной и уставшей, а япон-

ская — отдохнувшей. Русские моряки почти не нюхали пороха, а японские воевали уже второй год.

Перед самым началом боя командующий дважды менял решение о боевом построении эскадры (то в строй фронта, то в одну кильватерную колонну), но так и не успел завершить перестроение.

Того повёл свою эскадру на пересечение курса эскадры Рождественского и сосредоточил огонь на двух флагманских броненосцах — «Князь Суворов» и «Ослябя». А те вынуждены были переносить свой огонь каждый раз на новый корабль — тот, который пересекал их курс¹⁸¹.

На «Суворове» вскоре были перебиты все снасти, так что нельзя было давать сигналы. Начались пожары. Управление было потеряно, и броненосец начал описывать такую же циркуляцию, как в своё время «Цесаревич». Рождественский был ранен в голову и спину и больше не мог руководить боем. Судно, однако, показало необыкновенную живучесть. «Ослябя» расстался с жизнью гораздо быстрее. Повреждения на нём, писал Тимирёв, были ужасны: «Обвалилась броня, провалились палубы, всё горело». В последний момент командир корабля В. О. Бэр вошёл в боевую рубку и застрелился. Судно перевернулось и затонуло. Судьба устроила адмиралу Фелькерзаму необычные похороны.

Гибель «Осляби» и выход из строя «Суворова», по сути, предрешили исход сражения. Потеря двух флагманов погубила эскадру, не приученную к самостоятельным действиям.

«Суворов» перестал циркулировать, но почти потерял ход. Сражение перемещалось к северу, эскадра уходила, и её флагман теперь отстреливался от крейсеров. Два миноносца, догоняя эскадру, прошли мимо, не попытавшись подойти к броненосцу, который был похож на огромную жаровню с пылающими углями. Третий миноносец, с большим риском для себя, подошёл и принял раненого адмирала и его штаб. Это был «Буйный», которым командовал капитан 2-го ранга Н. Н. Коломейцев¹⁸².

В сражении 14—15 мая все броненосные суда эскадры Рождественского были потоплены, а отряд крейсеров сдался в плен. В плену оказался и командующий. Только быстроходному крейсеру «Алмаз» и двум миноносцам удалось прорваться во Владивосток. Японская эскадра потеряла три миноносца; многие другие суда получили тяжёлые повреждения, но остались на плаву.

Резюмируя высказывания участников боя, Тимирёв писал, что «главнейшими (ближайшими) причинами поражения они считали: слишком позднее перестроение в боевой строй, от-

сутствие распоряжений... преимущество в ходе неприятеля... превосходство их стрельбы, туманность погоды и зыбь, огромное количество миноносцев у неприятеля». «Причины такой быстрой гибели судов, очень сильных и обладающих прекрасной водонепроницаемостью, — продолжал Тимирёв, — объясняли перегрузкой этих судов, вследствие чего броня почти вся уходила в воду и суда получили массу пробоин близко к ватерлинии выше брони». На море было волнение, вода захлёстывалась в пробоины и заполняла трюмы.

Если бы 28 июля 1904 года в море было волнение, русская эскадра, возможно, не досчиталась бы одного-двух броненосцев. Но на море тогда было на редкость спокойно. Русские адмиралы не использовали для прорыва во Владивосток этот подарок судьбы. Во второй раз, 14 мая 1905 года, он ниспослан не был.

После Цусимы, 2 июня 1905 года, великий князь Алексей Александрович оставил пост главного начальника флота и морского ведомства. Вслед за ним был уволен в отставку его протеже адмирал Алексеев. Морским министром был назначен вице-адмирал А. А. Бирилёв. В первом своём приказе он объявил: «Прошу всех офицерских чинов флота и учреждений морского ведомства — мне не представляться»¹⁸³. Министр, видимо, давал понять, что в своём ведомстве он всех хорошо знает и с прежними порядками чиновничества будет покончено.

В 1920 году, касаясь событий тех лет, Колчак говорил, что «единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне и вся деятельность была невоенная, несерьёзная». Что же касается Алексея Александровича, то Колчак, судя по всему, вовсе не считал его «злым гением» флота. Он не видел необходимости в должности генерал-адмирала, называл её «чистой синекурой», и великий князь, видимо, представлялся ему просто бездельником («решиительно ни во что не входил», ни в какие дела «в сущности не вмешивался»). Если флот плохо стрелял и плохо плавал, то виноват в этом, наверно, был прежде всего сам флот, а не какой-нибудь великий князь. Значит, полагал Колчак, надо было начать перестраивать сам флот¹⁸⁴.

* * *

4 июня 1905 года, после более чем двухлетнего отсутствия, Колчак вернулся в Петербург¹⁸⁵. Длительное путешествие из Японии через Америку измотало его, болезнь вновь обострилась, и его снова уложили в госпиталь.

Наверно, только по прибытии на родину Колчак узнал,

что ещё в ноябре 1904 года он был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Позже, 12 декабря 1905 года, «за отличие в делах против неприятеля под Порт-Артуром», ему пожаловали золотую саблю с надписью «За храбрость» и орден Станислава 2-й степени с мечами¹⁸⁶.

Одним из первых в госпиталь к Колчаку явился А. А. Бялыницкий-Бируля. Дружеские отношения с ним продолжались и далее, вплоть до начала мировой войны¹⁸⁷. Приходили и друзья по выпуску из Морского корпуса. Разговоры крутились вокруг общих знакомых, однокашников, какая у кого сложилась судьба.

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Колчак мог рассказать, что умерли в порт-артурских госпиталях Лавров и Постельников, покалечен Рыков, в плену Николай Василисин и Алексей Стеценко. От своих товарищей он мог узнать о героической гибели Николая Зенилова в последнем бою «Рюрика» (из Владивостокского отряда крейсеров) 31 июля 1904 года. Заменяв убитого командира, он сам вскоре был смертельно ранен. Тот самый Зенилов, с которым Колчак когда-то участвовал в гребной гонке. А в Цусимском бою погибло двое: Вениамин Эллис и — славный парень Алёша Геркен¹⁸⁸. Его отец, старый адмирал, не вынес горя и вскоре умер.

Но была новость и другого рода. Севастопольский военно-морской суд исключил со службы лейтенанта Николая Терпигорева (последнего в выпуске) за злоупотребление служебным положением и растрату казённых денег¹⁸⁹.

А вскоре по возвращении Колчака, 15 июня, разнеслась потрясающая весть о бунте на Черноморском флоте — в основном из-за плохого питания. Захваченный моряками броненосец «Потёмкин» десять дней бродил по морю и в конце концов сдался румынским властям. В числе убитых офицеров оказался лейтенант Леонид Неупокоев. Вот так: воровал один, а расплатился другой.

Хуже того. Широко и беспечно жили отцы, а отвечать приходится детям.

Возможно, уже тогда Колчак и его сверстники начинали смутно догадываться, что они — жертвенное поколение.

* * *

В конце июля 1905 года в Портсмуте (США) открылась мирная конференция с участием представителей России, Японии и США (страны, выступившей в роли посредника).

По ходу переговоров производились консультации с внешнеполитическими ведомствами Англии, Франции и Германии. Япония предъявила к России обширные требования. Не довольствуясь Порт-Артуром, она настаивала на передаче ей Сахалина, выводе русских войск из Маньчжурии, выдаче военных судов, укрывшихся в нейтральных портах, и уплате контрибуции. Но глава русской делегации С. Ю. Вите дал понять, что на «непомерные требования» Россия не согласится. Его позиция подкреплялась тем, что Япония вдруг оказалась в международной изоляции. Никто не хотел чрезмерного её усиления. В конце концов было достигнуто соглашение об уступке Японии южной части Сахалина и передаче ей арендованной части Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, а также южной ветки КВЖД. Было также признано, что Корея входит в сферу японского влияния. В свою очередь Япония согласилась на одновременный вывод войск из Маньчжурии, своих и русских. 23 августа 1905 года был подписан мирный договор.

В 1907 году Портсмутский договор был дополнен русско-японским соглашением о разграничении сфер интересов в Маньчжурии. Русскому правительству удалось сохранить контроль над КВЖД, связывавшей Россию с Дальним Востоком. С приходом к власти П. А. Столыпина началось строительство Амурской железной дороги по русской территории, завершившееся в 1916 году. Столыпин говорил, что «Амурская дорога имеет главной задачей накрепко приковать к России её Дальний Восток»¹⁹⁰.